

В. ПОКРОВСКИЙ

**ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
ПОДВИЖНИКОВ
ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ**

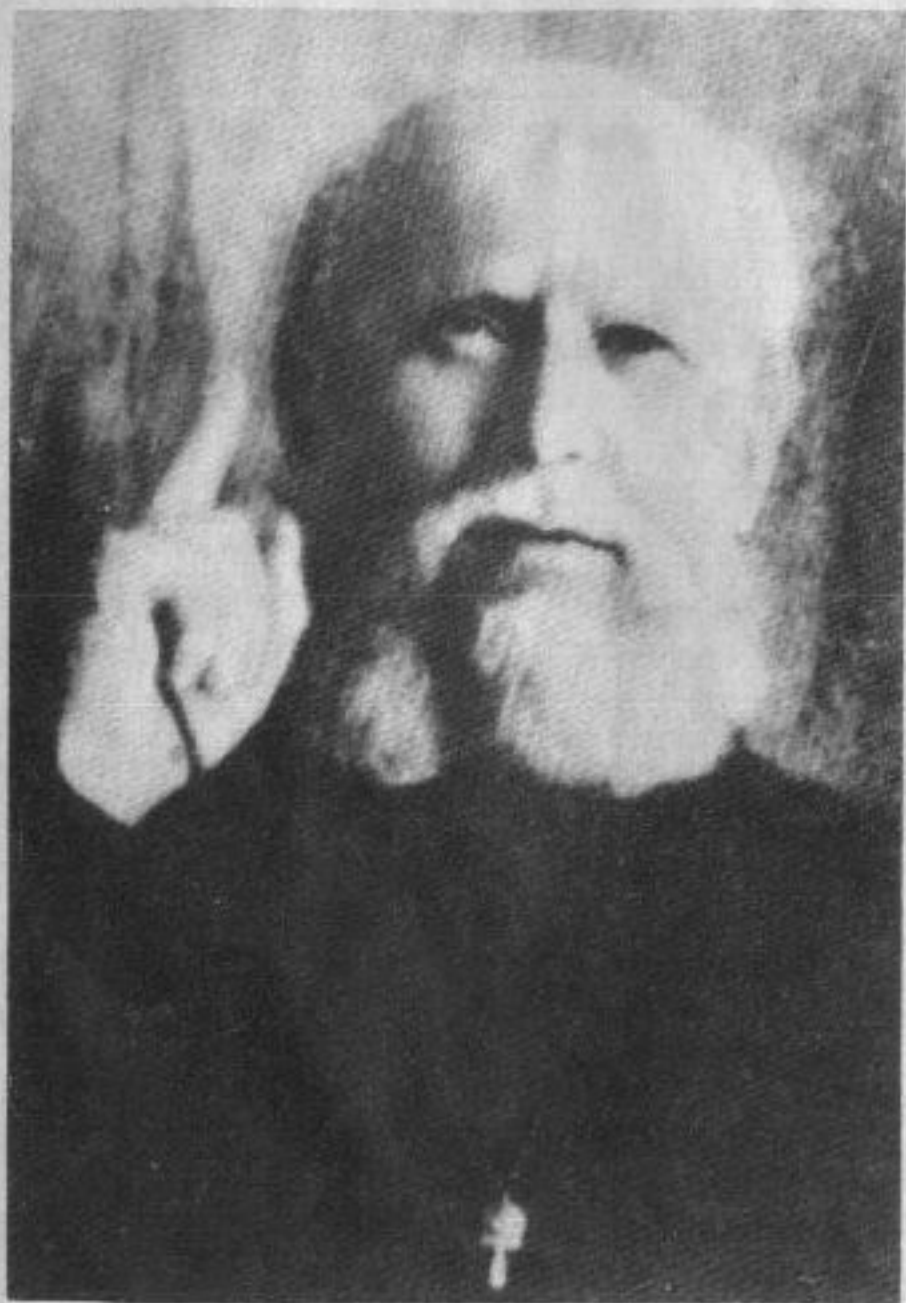

В. ПОКРОВСКИЙ

**ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
ПОДВИЖНИКОВ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ**

«Дивен Бог во святых своих...»

1992 г.

ОТЕЦ ЛЕОНТИЙ

ЖИЗНЬ И ДЕЯНИЯ ОТЦА ЛЕОНТИЯ

Духовное пробуждение православного верующего народа Волыни, а особенно Ровенщины, начавшееся перед Второй мировой войной и продолжающееся до настоящего времени, заставило автора этих строк рассказать, хотя бы кратко, о той личности, которая стояла у истоков сего возрождения.

Автор решил собрать некоторые сведения о дедушке Леонтии, являющемся основателем целого движения.

Поскольку живы еще многие свидетели, видевшие дедушку Леонтия, слышавшие его проповеди, наставления, а также получавшие от него молитвенную помощь, то их рассказы и послужили для этой книги живым свидетельством жизни и деятельности дедушки Леонтия. В книге мы будем называть его «отцом», ибо так называли его люди, приходившие к нему за духовными наставлениями. Это не противоречит древнему обычаю, когда подвижника называли «аввой», то есть «отцом».

Здесь не всегда указаны даты некоторых событий, поскольку нет возможности точно восстановить их. Нет также некоторых имен ныне здравствующих свидетелей. На то имеются известные причины.

I

Религиозная жизнь православных в западных областях Украины в предреволюционные годы имела свои особенности.

Заманивали в свои сети католицизм и штундобаптизм Запада, атеизм Востока отторгал от Церкви маловерных. Те, кто оставался в лоне православной Церкви, теряли тот строгий дух православия, который следовало бы хранить.

Падала нравственность. Не соблюдались праздничные и воскресные дни. Нарушались посты, не читались домашние

молитвы. Люди уходили из храма задолго до конца церковных Богослужений.

Престольные праздники хотя и праздновали, но в храмах молились мало. Хорошо разодетые парни и девушки прохаживались возле храмов. Старшие сидели на скамейках, обсуждая молодежь и их модное одеяние.

Часто к храмам со своими лавками приезжали евреи. Они располагались вокруг церковной ограды, продавали мороженое, конфеты, семечки, орехи, лимонад и прочее. У иных храмов даже качели устанавливали и устраивали игрища.

Все с нетерпением ожидали конца Богослужения, чтобы после предаться увеселениям либо сходить к родным или знакомым в гости.

Так было на Западной Украине вплоть до тридцатых годов.

Будни сельский житель проводил в своем хозяйстве и на своем поле. Земля была кормилицей для него и его семьи. Несмотря на то, что большая часть земель и лесов принадлежала польским помещикам, на семью рядового крестьянина приходилось в среднем по три-пять гектаров земли. Богатый хозяин имел и двадцать гектаров земли, а бедный — два-три и меньше. Но и бедный, и богатый — все были заражены жадой обогащения. Каждый старался прикупить себе еще земли, кто сколько мог. Земля считалась вечным имуществом, которое «в огне не горит, воры не крадут и никто не отымет». Она-то и стала для крестьянина камнем преткновения. Из-за нее происходили семейные раздоры. Е раздел часто не устраивал всех членов семьи. Вот и судились: брат с братом, сын с отцом, сосед с соседом. Были случаи, когда только за одну межу (разделительную полосу шириной 30-40 см) соседи судились всю жизнь, разоряясь при этом до основания.

Цены на сельхозпродукты были искусственно занижены, а сама земля, промышленные товары и сельскохозяйственный инвентарь — дороги. Торговлей

занимались только евреи. Весь капитал был в их руках. Сельский житель при крупных покупках, как правило, должен был прибегать к займам. И после некоторые оставались вечными должниками ростовщиков, поскольку были в состоянии выплачивать одни лишь проценты от взятой в заем суммы. Вот почему желающие более других обогатиться поддавались различным искушениям и все более грешили. Нарушалась наиважнейшая из заповедей — любовь к ближнему.

Из истории известно, что в дни упадка религиозно-нравственной жизни народа Бог посещал его через своих избранников. Их он призывал просвещать народ словом истины. Во все периоды христианской истории и во всех уголках земного шара были эти светильники христианской веры. Многие из них были порицаемы современниками и претерпевали насмешки, упреки и даже гонения. И нередко только после кончины открывалась святая жизнь посланцев Господних.

Нельзя согласиться с тем, что в наше тяжелое время Господь оставил народ Свой без Своего о нем попечения. Мы верим, что во всех уголках нашей обширной родины были и сейчас есть святые люди, которые возвещают миру истину.

II

Село Новая Мощаница находится в Здолбуновском районе Ровенской области. Здесь родился, долгое время жил, умер и похоронен известный многим и почитаемый многими отец Леонтий.

Село раскинулось на невысоких холмах. На юго-западе, в километре от села, вдоль берега небольшой речушки проходит дорога Ровно-Здолбунов-Мизочь-Кременец-Почаев. От этой дороги, от остановки автобуса «Новая Мощаница» или, как ее еще называют, от «Владимира»

через луг, через речушку, тропинкой над большим оврагом, заросшим кустарником, люди идут в село.

В этом селе в 1897 году в семье крестьянина Герасима и Марии Грицан родился младенец, в крещении названный Леонтием. Это семейство, имеющее шестерых детей, относилось к числу бедных. Трех гектаров земли было недостаточно, чтобы иметь во всем достаток. Поэтому старший брат Стефан эмигрировал за границу (в США) на заработки. Сестры Евгения, Евфросиния и Феодора вышли замуж. Леонтий и Дмитрий помогали вести хозяйство.

Дети родились в следующей последовательности: Феодора, Стефан, Евфросиния, Леонтий, Евгения, Дмитрий. Младший, Дмитрий, родился в 1909 году и пережил всех братьев и сестер. Он-то в основном и дал, правда весьма незначительные, сведения о детских и юношеских годах брата Леонтия.

Родители, братья и сестры Леонтия в духовном отношении не отличались какими-либо совершенствами по сравнению с окружающими. Конечно, здесь, как и в других семьях старого поколения, царила несомненная вера в Бога. Отсюда и молитвенное обращение к нему.

Детей начинали учить молиться уже тогда, когда они едва выговаривали первые слова. Мать складывала ребенку на груди ладони, подымала взор свой к иконе и говорила слова молитвы, а дитя лепетало, повторяя. Мать говорила, что Бог все видит, слышит и знает, что он радуется послушным и добрым и гневается, если кто-то делает что-либо плохое. В таком же простом учении и в таком духе воспитывался и маленький Леонтий.

Отроком Леонтий пас скот, помогал отцу сеять и убирать хлеб. Часто в уединении молился. Когда ему исполнилось двадцать два года, он пошел в Почаев на Богомолье. Пробыв там несколько недель, он вернулся к домашним занятиям. На другой год повторилось то же самое. Каждое новое паломничество было все более продолжительным.

В 1933 году, когда Леонтия не было дома, брат Дмитрий

женится. Леонтий пришел домой, с Евангелием в руках подошел к Дмитрию и сказал: «Моя часть имения пусть остается тебе. А я иду проповедовать слово Божие». И с этого времени он становится известен людям Западной Украины как проповедник слова Божия.

Таким образом, мы имеем очень скудные сведения о юности отца Леонтия, так как сам он очень редко вспоминал о своем родном доме, об отце с матерью, о братьях и сестрах. Не слышали также от него и о каких-либо духовных наставниках, которые бы благословляли или вдохновляли его на проповедь. Но одно обстоятельство как бы проливает свет на то, кто был его вдохновителем. Как-то во время проповеди он стоял босой на куче снега, а женщина хотела постелить ему под ноги свой платок. На что он сказал: «Не заботьтесь! Кто меня послал, Тот и согревает.»

Однажды ученик отца Леонтия спросил его: «Отец, как мне поступать, когда люди просят у меня благословения?» На это учитель ответил: «Когда-то и у меня люди начали просить благословения, и я спрашивал у священника, что мне делать? Он помолился и сказал: «Благословляй и ты. Но не как священник, именным перстосложением, а как родной отец родных детей. Складывай персты как для крестного знамения и троекратно крести». Так я и благословляю. Пойди к священнику — пусть он и тебя научит.»

И эти факты наводят нас на мысль, что свою деятельность о.Леонтий начинал, предварительно взяв на то церковное благословление.

III

С 1918 по 1939 годы западные области Украины: Ровенская, Волынская, Тернопольская, Львовская — были под властью Польши. Здесь в основном и проходила проповедническая деятельность о.Леонтия.

У него была короткая широкая борода, широкий лоб, прищуренные серо-голубые глаза, ровный нос, улыбчивый

рот. Был он среднего роста, широкоплеч. А в целом имел вид благообразного старца. До войны и во время войны обычно ходил в полотняном плаще, в руке носил крестообразный посох. Обычно был без головного убора. Приветствовал всегда, воздавая хвалу Господу: «Слава Богу!» А первым словом его проповедей было: «Покайтесь!» Проповедовал он на народном западноукраинском языке. При этом употреблял и немало русских слов. Сельские жители называли его «батюшкой».

Первое и главное в его проповедях поучение — о важности крестного знамения, так как с него, говорил он, начинается всякая молитва и всякое доброе дело. Начиная проповедь, он всегда трижды налагал на себя крестное знамение. «Согласно учению православной Церкви, — говорил он, — крестное знамение на себя надо налагать так: три главных пальца складывать вместе и ровно, в честь Св.Троицы, два меньших — прикладывать к ладони. Эти два пальца знаменуют два естества — человечество и Божество. Касание перстами чела сопровождается словами «Во имя Отца», на живот — «и Сына», на правое плечо — «и Святаго...», на левое — «...Духа!» Опустив руку и сделав поясной поклон, нужно произнести слово «Аминь!» Неспешно, благоговейно должно совершаться знамение, рука обязательно должна касаться места прикладывания. Если же крест положен рукой небрежно — тогда и ум не имеет молитвенного настроения, и молитва не приемлется Богом. Вот так, дорогие, — продолжал о.Леонтий, — великое значение имеет крест. Все надо крестить. Крестом ограждаемся — врагу противляемся. Крест надо носить и на груди. Без него оставаться не должно ни на минуту».

Второе, к чему призывал в своих проповедях о.Леонтий, — это почитание праздничных и воскресных дней. В такие дни нужно обязательно присутствовать на церковных Богослужениях. «Кому Церковь не Мать — тому Бог не Отец!» — часто повторял он.

Ни одного, даже самого маленького праздника не

встречал он без церковного Богослужения, к этому призывал и верующих. Церковь называл Матерью, ковчегом, кораблем. «Как кораблем приплываем к тихой пристани — так через Церковь получаем вечное спасение. В нее надо приходить к началу Богослужения и выходить из нее после «отпуста», приложась к кресту. Если же есть молебны и панихиды, то и их не должно оставлять. Таинства Церкви, особенно исповедь и причащение Тела и Крови Христовой, должны сопровождать всю жизнь христианина».

Он строго порицал брак без церковного таинства венчания. Старикам и больным всегда рекомендовал маслособорование. К священству относился с благоговением. В церкви и при встрече со священником на улице всегда брал благословение. При этом складывал на груди крестообразно руки и слегка пресклонял голову. У него не было деления священников на хороших и плохих, ибо «все они служители Божии и совершители Таин Христовых. Обсуждать и осуждать их — большой грех.»

Третьим предметом его проповедей было соблюдение установленных Церковью постов. Сам он на первой и страстной седмицах Великого Поста всегда говел в Почаевской, Киево-Печерской Лаврах или же в других монастырях, чем являл пример для других. Ревностным к духовной жизни предлагал навсегда отказаться от мясной пищи.

С похвалой отзывался о целомудрии и чистоте. Даже и в супружеской жизни. При некоторых больших грехах, например, матерям, убивающим плод в своей утробе, советовал каяться и в покаянии блюсти трехдневный пост. Строго обличал курение, сквернословие, пьянство.

Четвертое — молитва. «Пост и молитва, — говорил он, — это два крыла. Птица с помощью крыльев устремляется ввысь, человек через пост и молитву возносится к духовному совершенству. Молитва утренняя и вечерняя, перед началом всякого дела и после него, перед принятием пищи и после нее, благодарение Богу за всякое благодеяние

— должны стать обязательными в жизни христианина. Молитвой, — поучал он, — побеждается все.»

Особую важность придавал он молитве за усопших. Поучал подавать за них милостыню и совершать панихиды. Более ревностным советовал ночные молитвы, поклоны, каноны, Псалтырь, акафисты, непрестанную Иисусовую молитву.

Ко всему этому нужно добавить его постоянные призывы к милосердию, к неосуждению ближних, к любви к Богу и к ближнему.

Проповеди о.Леонтия не были посвящены какой-то одной теме. Они были богаты по содержанию и просты для понимания. Все, чему учил о.Леонтий, исполнял и он сам.

IV

Несмотря на то, что проповедническая деятельность о.Леонтия проходила в пределах государства, где разными путями насаждалась уния и католицизм, он в своих проповедях призывал строго держаться православной веры.

Часто его проповеди звучали у храмов, в домах верующих, на базарных площадях, в малых и больших городах, таких как Ровно, Львов, Дубно, Кременец, Почаев, Корец, Гоща, В.Межиричи, В.Селица, Березно и др. Бывал он в Познани, других польских городах. В некоторых местах власти брали его под стражу как нарушителя общественного порядка, сообщали об аресте брату Дмитрию. Тот приезжал, договаривался с властями, «брал на поруки», привозил брата домой. А из дома о.Леонтий опять уходил проповедовать.

Как мы уже говорили, часто он проповедовал на базарах. Власти отсылали его в церковь, говоря: «Иди в церковь — там и проповедуй». Он отвечал: «Тех, кто в церкви, — научит священник. Мне же надо говорить с теми, кто в церковь не ходит.» Евреи, насмехаясь, толкали его, бросали в него комьями грязи.

Часто на праздник Богоявления после освящения воды в реке он раздевался и окунался в прорубь. А после, раздетый и босой, с накинутым на плечи полотняным полотенцем, проповедовал до тех пор, пока его слушали люди. После же он одевался, брал ботинки в руки и шел босой к кому-нибудь в дом.

В 1939 году на Западную Украину пришла советская власть. Своей деятельности о.Леонтий не прекращал и при новых обстоятельствах. Он так же скитался из города в город, из деревни в деревню, из дома в дом. И всюду призывал к покаянию: «Если покаетесь — Господь продлит жизнь, а если не покаетесь — пройдет меч и придут народы, языка которых вы не знаете».

До войны слушающих его было сравнительно немного. Но пришел 1941 год, а вместе с ним и все беды — тогда-то и начали его искать, слушать и расспрашивать. И не только православные, но и католики, и евреи.

Период от начала войны и до самой смерти о.Леонтия ознаменован многими важными событиями в его жизни.

Обогатилось содержание его проповедей. Постоянно меняющиеся события требовали объяснений и наставлений. И если до того проповеди о.Леонтия были в основном церковно-нравственного характера, то теперь он касался многих сторон жизни. Так, например, еще при польской власти на западных землях Украины началось национально-освободительное движение, особенно среди молодежи, за возрождение самостоятельной Украины. Усиленно проводилась агитация за участие в так называемой Украинской повстанческой армии (УПА). Фамилии желающих заносили в списки добровольцев с личной подписью. Отец Леонтий тогда убеждал: «Никуда не записывайтесь и не ставьте своей подписи. Кто возьмет меч — от меча и погибнет.»

Национально-освободительное движение оказало влияние и на церковную жизнь. Церковное Богослужение почти во всех приходских храмах стало вестись не на ста-

рославянском, а на украинском языке, что в проповедях своих никогда не одобрял о.Леонтий, считавший новый порядок самоволием, не имеющим благословения Матери-Церкви. Он призывал вновь переходить на старославянский язык.

С началом войны, когда казалось, что от ужасов и страданий никогда не избавиться, отец Леонтий ободрял народ, говоря: «Грозное, сильное и многочисленное войско пришло к нам. Но оно все там, в России, и останется. А к нам опять русские вернутся. Они победят. И жить будет еще хорошо. Но недолго.»

V

Центром духовно-просветительской деятельности о.Леонтия в годы войны можно считать Липенский монастырь. Он находился неподалеку от села Липки Гощанского района Ровенской области. Начинался монастырь с храма, который был построен игуменом Почаевской Лавры, впоследствии архимандритом, Иаковом в двадцатые годы.

Главный престол храма — во имя Успения Божией Матери, а второй предел — во имя великомученика Дмитрия Солунского. Стоял храм в полукилометре от села на берегу ручья, вдали от мирской суеты. Он был семикупольный, крестообразный. Вмещал примерно тысячу человек. Под алтарем был колодец живой родниковой воды, с паламарки к нему вела лестница. Снаружи через металлическую трубу вода вытекала на луг, где росли роскошные вербы и было прекрасное место для отдыха утомившегося путника.

Поначалу в храме молился только сам архимандрит и несколько его родственников. Когда же сюда стал наведываться о.Леонтий, к храму стали стекаться люди из окружающих сел и городов. Богослужение совершалось по воскресным и праздничным дням. С каждым разом сюда

приходило все больше и больше верующих. Впоследствии храм был уже не в состоянии вместить всех молящихся. Поэтому стояли и молились у дверей храма.

Петь и читать молитвы приглашали всех, кто мог. В перерывах и после Богослужения говорились проповеди как самим о.Леонтием, так и другими людьми, которых он благословлял.

Потом была общая трапеза. Неподалеку от храма под сенью деревьев стояли длинные дощатые столы. На них прихожане ложили хлеб, рыбу, яйца, овощи, фрукты. Стол был обильный, не было на нем лишь мясного. Подчас тысячи людей с духовной радостью разделяли эту трапезу. После трапезы отдыхали, пели псалмы, обращались с вопросами к о.Леонтию. Мать спрашивала о сыне, жена о муже, дети об отце — вернулись ли с фронта? Иного болезнь одолевала, другого дети не слушались, у третьего — семейные раздоры. И каждому давались соответствующие советы, так что все уходило домой удовлетворенными.

Многие молились здесь постоянно. Некоторые были тут вдохновлены на проповедническую деятельность. Таких было около десяти человек. С той поры начались организованные паломничества в Почаев. Это случалось по большим праздникам. В 1944 году ко дню Преображения паломников было около трех тысяч человек. Для автора этих строк это паломничество осталось добрым воспоминанием, так как и он был участником этого путешествия. Паломников возглавлял о.Леонтий, который шел с посохом впереди. Шли медленно, с остановками, по дороге заходили во все церкви, которые встречались на пути, там пели молебны, панихиды.

Обычно шли главной дорогой: Ровно-Дубно-Кременец-Почаев. Протяженность пути — более ста пятидесяти километров. Шли четыре-пять дней, иногда больше. Продуктами питания каждый запасался дома и нес их с собой в котомке.

В начале похода о.Леонтий поучал, что паломничество к

святыне — это ссть своего рода духовный подвиг. На него надо заранее молитвенно настроиться, чтобы он был принят Богом. В Лавре все должны исповедаться, причаститься Святых Христовых Таин. Перед исповедью каждый должен поститься. Вот почему нести с собой нельзя было ни мясных продуктов, ни, тем болес, махорку или водку.

Кроме паломничества в Почаев, были походы в Киево-Печерскую Лавру, в Корецкий и Дерманский монастыри, на Казацкие Могилы.

Поначалу архимандрит с любовью и уважением относился к о.Леонтию. Он благословлял его на проповедь и всячески содействовал. Но однажды по непонятной причине он, вдруг, изменил свое отношение к о.Леонтию и даже решил запретить его проповеди в стенах своего монастыря. При этом он сказал своей сестре, чтобы та от его имени передала о.Леонтию сей запрет. Когда сестра архимандрита выполнила просьбу, о.Леонтий скорбно посмотрел на нее и сказал: «Женщина! Иди сперва пособирай косточки сына своего, а потом будешь запрещать мне проповедовать слово Божие». Только он произнес эти слова, как на окраине села раздался сильный взрыв. Там мальчики разбирали трофейную мину. Она взорвалась, и косточки мальчика той женщины разбросало по полю.

После этого случая архимандрит уже никогда не запрещал о.Леонтию проповедовать слово Божие.

Приближался конец войны. Во всех храмах страны верующие молили Господа о Победе. Мирно и спокойно молились люди и в Липенском монастыре.

В 1945 году за проповедническую деятельность о. Леонтий был сослан в Казахстан. Верующие же не прекращали посещать монастырь. Они по-прежнему приходили сюда помолиться, послушать проповеди настоятеля, других проповедников, побеседовать о прежнем наставнике, почитать или послушать его письма. Люди дорожили каждым словом о. Леонтия. Письма от него переписывали, передавали из рук в руки.

В 1950 году о. Леонтий вернулся из ссылки. Липенский монастырь в том же году был закрыт, а в 1960-м — разрушен.

О. Леонтий обошел все места, где раньше проповедовал, убеждая верующих держаться всего того, чему научены. «Стойте на камне!» — говорил он, что означало призыв быть твердыми в исповедании православной веры, будучи выше всех соблазнов мира.

В проповедях своих он никогда не выступал против власти (отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу!), соблюдая соответствующую заповедь Евангелия, но обличал неверие и все то, что отрывает человека от веры. Как верующий и проповедник слова Божия, он не соглашался с атеистическим мировоззрением, хотя оно и было официальным и государственным. Как и прежде, он советовал не связывать себя политикой, дабы однажды не оказаться в «политической яме». Для христианина достаточно Церкви и ее уставов.

О.Леонтий считал греховным посещение танцев, театра, кино, других мирских зрелищ, развращающих человека. Таких «крамольных» суждений власть пятидесятых годов не простила, и в 1954 году о.Леонтий был осужден уже на десять лет тюрьмы. Кстати, и некоторые священнослужители осудили о.Леонтия. Но делалось это или в угоду власти имущим, или же по неведению.

Благодаря амнистии 1956 года, о.Леонтий был освобожден, пробыв в лагере всего лишь полтора года. Но недолго пришлось ему жить на воле. Через год, в 1958 году, он был опять осужден. И снова —десять лет! Теперь срок пришлось отбыть, как говорится, от звонка до звонка. Сидел он в лагерях Мордовии.

За эти десять лет им много было послано писем и поучений его духовным «деткам». Многие из них ездили к нему на свидания, другие слали посылки и письма, а иные были осуждены как и он и даже сидели вместе с ним.

В лагере о.Леонтий принял постриг в монашество из рук

Высокопресвященного Алексия, Архиепископа Краснодарского, сидевшего вместе с ним. Монашеское имя о.Леонтия — Серафим, в память о Серафиме Соровском.

Писем о.Леонтий сам не писал, так как считал себя неграмотным. Он диктовал кому-нибудь из друзей. При этом часто цитировал места из священного Писания, указывая точно стих и главу.

Некоторым духовным «деткам» он высылал свои фотографии. На одном из снимков он — в летней одежде. На груди — деревянный крест и овальной формы иконка — Почаевская Божия Матерь.

Как мы уже упоминали, вместе с ним сидели и некоторые из его учеников. Это дедушка Кирилл из с.Горбакова, Михаил из г.Корца, Петр из с.Дывени, Никитка из с.Сосновки, Григорий из с.Белоруссия.

В лагере о.Леонтий по старости не принуждался к работе. По своему желанию он занимался уборкой барака, подметал на улице, носил воду, заготавливал дрова. К тюремному начальству относился почтительно и с уважением. Соблюдал лагерный режим и порядок. Тюремные надзиратели поневоле удивлялись и сомневались в справедливости судебного приговора этому старику. Всем приезжающим к нему беспрепятственно разрешались свидания. При освобождении тюремная администрация отменила пятилетнюю ссылку о.Леонтию, указанную в приговоре.

Задолго до освобождения он говорил: «Мне надо быть на родине и готовиться к отходу».

VI

В 1968 году о.Леонтий вернулся в родной отцовский дом, где жил брат Дмитрий. Тот принял его с радостью, устроил для него в кладовой келейку, поставил там столик, железную кровать, длинную деревянную скамью,

несколько стульев. В углу пристроили небольшую печку. Возле — деревянный топчан.

С первого же дня к о.Леонтию стали приезжать духовные чада. Посетители являлись и днем, и ночью, что чрезмерно утомляло и о.Леонтия, и его брата, а также вызывало у некоторых односельчан подозрение и зависть.

По уговору с племянницей, жившей на окраине села близ автобусной остановки, посетители стали останавливаться у нее. Сюда же приходил о.Леонтий, проповедовал и поучал своих «деток». Нового в его проповедях было немного, он просто повторял многое из того, что было сказано раньше. При этом, как и прежде, перво-наперво учил правильному крестному знаменю. Ибо правильно положенный крест дает силу исполнять и другие добродетели.

Жизнь о.Леонтия — пример безропотного несения скорбей и жизненного креста. Заключение свое он никогда не называл тюрьмой, а лишь — «школой». «Когда я был в «школе», — говорил он, вспоминая о заточении, — то научился терпению, смирению, кротости и многим другим добродетелям».

Он говорил, что время очень скоротечно и потому очень дорого. В нем нетрудно спастись и заслужить царство небесное — надо лишь устоять в вере. Для верного служения Богу лучше всего вести скромный образ жизни, не стремиться к высотам, не выставлять своей праведности напоказ, считать себя «ниже и хуже всех», созидать в себе человека по Образу Создателя.

Теснота, лишения, гонения и страдания, говорил о.Леонтий, утончают чувства человека, открывают духовный взор к познанию истины, дают силу шествовать спасительным путем. Роскошь же исторгает из сердца святые чувства и заглушает стремление вести духовный образ жизни.

Местный приходской священник о.Макарий с уважением относился к нему, вспоминая неоднократно, как в молодости своей, будучи еще псаломщиком, он видел

о.Леонтия, как тот на Крещение Господне после освящения воды окунулся в ледяную прорубь с головой.

После заключения о.Леонтий уже не ходил босым по снегу. Одевался и обувался тепло и опрятно. Носил хорошее пальто и шляпу, а иногда — скуфийку. Впрочем, из дома он теперь уже не так часто отлучался, разве что на некоторые престольные праздники в окрестные церкви. Свой же сельский храм он посещал постоянно, часто исповедовался и причащался св.Христовых Таин.

Беспрестанные визиты заставляли его ночи проводить без сна, а дни без отдыха. Каждую ночь он подымался на молитву. Это было в два часа. А в три он уже шел к племяннице. Домой приходил на рассвете, ложился отдохнуть, потом — молитва и завтрак. Днем также часто принимал людей. Вечером после ужина — немного отдыха — и дальше все своим чередом.

«Детки» о.Леонтия старались оставить ему что-нибудь в подарок. Один дарил иконку, другой — книгу, третий — кое-что из одежды, продукты, деньги. Он все принимал, но оставлял себе очень немногое — остальное раздаривал.

Осенью 1972 года силы стали покидать о.Леонтия: появилась одышка, он с трудом передвигался и ходил в церковь. В наставлениях своих он теперь был очень краток и как бы суммировал все, что уже было сказано им за всю жизнь. Формула была все та же: «Правильно полагайте на себя крестное знамение; слушайте Церкви; стойте в вере, как на камне; никого не бойтесь и ничего не бойтесь; терпите; храните то, что вам сказано, и хранимы будете». На вопросы учеников: «На кого же вы нас оставите?», отвечал: «На Почаевскую Божию Матерь». Почаев он часто называл Новым Иерусалимом.

В 1973 году на Рождество Христово он сказал близким, что Ангел Господень известил его о скорой кончине. Местный священник совершил над ним таинство елеосвящения. Последний раз он пришел в храм на Крещение Господне, исповедался и причастился св.Христовых Таин.

В воскресенье после Крещения в храм идти он уже был не в силах. Прислуживающие с трудом усадили его на стул для молитвы, а сами по его благословению отправились в церковь. Придя домой, они нашли его все еще молящимся.

В среду 11 января по старому стилю он причастился св.Таин Тела и Крови Христовой уже на дому, а в пять часов вечера со словами «Держитесь, чему научены» — отошел к Господу.

В последние минуты жизни с ним были некоторые из его «духовных деток»: Иван из с.Бондари, девица Н., родной брат Дмитрий, племянница. Они и приготовили тело к погребению и положили в келью.

Тело было предано земле на местном кладбище. На могиле поставлен деревянный крест. Впоследствии заботами духовных чад могила обнесена деревянной оградой.

Память о нем народ хранит. Все те, кто его знал, и сейчас посещают могилу. Знаменательно то, что приезжают на могилу и те, кто раньше не был знаком с о.Леонтием. Многие являются сюда по откровению или сонному видению, о чем сами свидетельствуют. И многие здесь находят утешение, облегчение, а впоследствии получают просимое.

Каждый из «деток» записал о.Леонтия в свой синодик и, поминая почивших родственников, поминают и его, как в домашних молитвах, так и на церковных панихидах, веруя, что он имеет молитвенное представительство в загробной жизни большее, нежели имел в земной. Однако не нарушают церковной дисциплины и не молятся к нему, а только — за него, пока Церковь не вынесла своего определения.

VII

В этом разделе вниманию читателей предлагаются некоторые выдержки из многочисленных писем и письменных наставлений о.Леонтия, которые хранятся в домах у верующих как святыни. Перечитывая эти письма,

не делать, смотреть по-христиански на своего врага. Кто будет так поступать — Господь сохранит таких людей. Вот так, дорогие! Молитва и пост и милостыня избавляют от смерти. Это лестница к Богу. Главное: воздерживайтесь в словах. Не гневайтесь и не осуждайте ближнего, прощайте друг другу, а Господь нас простит. Не сетуйте друг на друга, не гадайте, не ворожите, не ходите к знахарям... Еще вам повторяю: не божитесь, мирно живите, потому что время кратенько. Аминь!»

Или в другом письме:

«Есть такие, что хотят еще больше Богу послужить. Таким — трехдневный пост... Кто не в силах, то перед заходом солнышка кушать один раз... Но лучше совсем не ужинать, и на другой день душечка лучше укрепляется.»

Пост и молитва приближают человека к Богу.

«Молятся, кто как умест, только с чистым сердцем.»

«Игнатий Богоносец молился непрерывно: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Молиться непрерывно нам кажется тяжело, но если разобраться — и очень легко...»

«Лучшим местом для молитвы является церковь Божия, а временем — праздничные и воскресные дни.»

«Кто недельку (воскресенье) нарушает, Бог таких не благословляет ни в сей жизни, ни в будущей. И больше так не говори, что если в недельку не пойду на базар, то и не продам... В чем Бог застанет — в том и осудит.»

«Конечно, дорогие, можно молиться и дома. Но дом домом, а в церкви — общая служба.»

«Любите Церковь, Мать нашу, потому что сказано: кому Церковь не мать, тому Бог не отец. Дорогие возлюбленные! Мы находимся в житейском море. Ной от потопа спасся в ковчеге. А наше спасение — святая Церковь... Надо ходить в Церковь безо всякой лености, со страхом. И там должны помышлять, что прощаем всем, кто нас чем-то обижал. Тогда наша молитва будет принята. А если не желаем прощать людям обиды, то далеко нам до спасения.»

Преградой на пути спасения выступают человеческие страсти. Многих одолевают греховные привычки, с которыми человек должен бороться.

«Христиане, говорю вам правду: не курите... Потому что это очень большой грех. А кто оставит курение, помните, что Господь прощает все грехи.»

«Еще вам повторяю: не курите... Вы убиваете душу. После сладкой пищи закусываете такой горькой отравой... Тех, кто раньше курил, не допускали к Таинству Причащения семь лет... Сейчас нам долго ожидать семь лет, потому что не знаем, что завтра нас ждет... Не говорите, что нигде не написано, что курение грех. Святые отцы доказывают, что Царство Небесное не наследует непотребность.»

«У одного соседа дочка умерла. Тот человек справил для нее целую седмицу поминок. А в конце той седмицы дочка напомнила ему через сон, что муки ее прибавляются: «Соберите старичков и вдовых — пусть помолятся без водки». И правда — помолились — опять явилась во сне и сказала, что ей стало легче. Храните сие, дорогие. И размышляйте.»

Человек склонен свои поступки оправдывать, а чужие — осуждать, отчего и сам не избежит осуждения.

«Если бы мы сами себя судили, не судимы были бы.»

«Сегодня человек развратный, а завтра — раскается чистосердечно перед Богом. Вот и будет из последнего первый. Вот так, дорогие мои, не будем же судить ближнего своего.»

«Часто мы судим своего пастыря, забывая, что мы — овцы. И вот я встречаю на пути священника... И если я буду отворачивать от него голову, то я есть ложь. Бога люблю, а ближнего нет — тогда все ничто.»

«Кто обижает ближнего, странника или осуждает священника — это очень большой грех.»

В деле спасения человеку не обойтись без смирения и терпения.

«Смирение и терпение — ключи к раю. Господь на Кресте

«ученый муж», конечно, найдет и малограмотность, и простоту оборотов. Но зато не сможет найти чего-либо противного догматам и учению Православной Церкви.

Выше уже было сказано, что о. Леонтий сам не писал, а лишь диктовал. И переписчиками его поучений были люди, как правило, малограмотные. Естественно, что в таком писании отсутствовали и знаки препинания, и последовательность в изложении. Порой все начиналось и кончалось едва ли не одним предложением. Несмотря на то, что в таких текстах можно было легко отыскать недостающую букву, а то и целое слово, переписчики, однако, не вставляли своих слов, заменяя ими нечто, сказанное учителем, руководствуясь любовью к нему и страхом греха за искажение мысли.

Письма о. Леонтия не надо смешивать с теми посланиями, которые пересылаются по почте неизвестными людьми, заповедующими переписать их по многу раз и разослать дальше, и в которых содержатся разные несбывающиеся пророчества, а также обещания наград и угрозы наказания за отказ размножить текст.

Письма о. Леонтия дышат теплой отцовской любовью и заботой о «детках». В них излагаются наставления отца к детям. Он учит, как избегать греха, как хранить веру в Бога, как быть добродетельными, достигая этим конечной цели — спасения. Он смотрит на веру в Бога и в загробную жизнь, как на главную и первую добродетель и говорит: «Нам Церковь толкует каждый день, что мы здесь временны, в гостях. А за гробом жизнь вечная. И кто ее удостоится — будет вечно радоваться и веселиться с Богом».

«Нас спасает вера. Мы слышим, что Бог воскрес... Те люди достигнут Царства, которые имеют крепкую веру в Бога».

И вера должна быть не голословной.

«Многие из нас — христиане только на словах. Но если бы нас чем-либо напугали — мы тотчас готовы отпасть от

веры. А мы должны говорить: «На, голову сними! Я — христианин! Или христианка!»

Во всех трудных обстоятельствах следует надеяться на Бога.

«Мы должны сдаваться на волю Божию, тогда нам легче нести свой крест». Или: «Нам надо сдаваться на волю Божию, любить Бога и терпеть вечные испытания».

«С Богом всюду хорошо: и среди своих, и среди чужих людей. Кто имеет больше любви, тому прощается больше грехов. И Христос призывает к любви, и Бог есть любовь».

Человек удалил себя от Бога множеством грехов, поэтому нужно покаяние.

«Кто упал в яму (грех), — да молится и просит: «Освободи меня, Господи, из ямы».

«Приходите в церковь, исповедуйте грехи свои у духовника чистосердечно..., перед Богом кайтесь и больше тех грехов не повторяйте».

По исповедании грехов человек получает облегчение и духовную радость. Чтобы сохранить эту радость...

«...для этого нужно беречься грехов и часто креститься, правильно, с верой и упованием на Бога».

Дьявол не в силах искушать тех, кто все перед собой крестит.

«Тому, кто неправильно крестится, кто ругается при всех или про себя, нам напомнить надо, чтоб не жаловались в последний день».

«Вот так, дорогие, великое значение имеет крест. Все надо крестить и везде — с крестом. Крестом ограждаемся — врагу противляемся».

Перед покаянием большое значение имеет пост. Кроме поста телесного есть еще пост духовный. На эту тему — поучение:

«Хорошо, что сей пост проводим в постной пище, ожидаем Воскресения Христова, радости... Еще пост духовный мы должны хранить: не ругаться, не божиться, не гневаться на ближнего... В пост — не обижать, никому зла

усмирился, чтобы богач не гордился, а бедный возвеселился.»

«Дорогие деточки! Господь показал нам путь — пострадал за нас. А мы не хотим потерпеть ни капельки!»

Безбрачным и вдовым, а также всем тем, кто желал нести подвиг целомудрия и чистоты, говорил:

«Храните радость и не унывайте. Берегите свой венец, ибо целомудрие блестит ярче лучей майского солнца.»

«Блажен тот, кто в миру спасается. Тяжеленько, но все таки можно. Не тот монах духовный, кто носит черную одежду в монастыре (конечно, и тот монах), а тот монах, кто соблюдает заповеди, имеет смирение в миру.»

Тем, кто утверждает, что сейчас для спасения души тяжелое время и заповеди Божьи трудно исполнимы, о Леонтии говорит:

«Каким бы время ни было, мы должны бороться. Кто недельку нарушает — Бог таких не благословляет.»

«Конечно, сейчас время сложное... В недельку на работу заставляют — надо говорить: «На, мне голову сними, а я не пойду в недельку на работу».

«Какое мы сейчас время переживаем! Дорогонькое и коротенькое. Дорогое потому, что легко соблазниться чем-либо. (Все мерещутся ценности дороже спасения). А коротенькое означает то, что все по писанию исполняется (и до конца уже совсем чуть-чуть).»

«Дорожите днями, потому что сейчас Ноевы дни».

«Печать антихриста примут незаметно. Кто носит у сердца злопамятство, кто упорствует — уже принял печать антихриста».

«Кто не крестится, тот уже принял печать его. А Божья печать — правильный крест.»

Учение о Слове Божиим надо распространять и умножать, как евангельские таланты.

«Кто умеет раздавать таланты — пожалуйста. Бог благословит.»

Себя о Леонтии считал «маленьким земным человечком»

и часто называл себя «дедушкой». Тех, кто его возвышал, наделяя высокими и святыми эпитетами, он укорял: «Привет Омеляну! Омелян, успокойся, прошу тебя. Что же ты забываешь, как я зовусь. А зовусь я меньше всех и хуже всех».

Ты слышал, чтоб я хвалился? Нет ведь. А хвалюсь я лишь грехами и тем, что хуже всех».

«Дедушка себя ничем особенным не называет. Дедушка — маленький. Он только напоминает, как душечку спасти».

Однако, внимательно перечитывая поучения о Леонтии, обнаруживаем, что он не отрицал свои полномочия, данные ему Богом для наставления чад своих.

«Господь послал дар мне, а я шлю его вам. Храните и дорожите».

«Что хозяин, Татко, мне пошлет, — тем я должен делиться».

«Яблочки от Вышнего — по доверенности маленькому».

«Не я вам говорю эти слова, но говорит Господь. Тот, кто отважится приблизиться ко мне по-простому, — умягчится и обновится ..., получит радость».

Таков стиль писем и поучений о Леонтии. Выдержки приведены почти без правки. В них сквозит святая простота и истинный православно-церковный дух. Выше было сказано, что письма и поучения о Леонтии хранятся верующими, как святыни. У некоторых имеются целые собрания высказываний о Леонтии, собранные в отдельные тетради и даже сборники. Один такой сборник под названием «Журнал» вышел в свет в 1943 году. Многие поучения о Леонтии продиктованы на родине и, как правило, на украинском языке. Письма же присланы из заключения, и в них преобладают русские слова.

Приведенные здесь цитаты, пожалуй, являются наиболее ценным материалом этого повествования. Ведь тут собраны, по сути, живые слова личности, о которой многие знают только понаслышке. А теперь не так уж трудно дори-

совать образ наставника, заботящегося о «духовных детках», справедливо называющих его отцом.

VIII

Здесь мы приведем некоторые события из жизни о. Леонтия, свидетельствующие о его прозорливости, силе молитвы, даре чудотворца. Цель автора заключается не в том, чтобы показать побольше этих событий, а в том, чтобы и в малом их количестве Вы увидели Великого их Совершителя.

От женщины Н. из Корецкого района Ровенской области довелось услышать такой рассказ:

«Во время войны с фронта пришло извещение, что убит мой муж. Оплакав его, я в первое же воскресенье взяла хлеб и понесла в церковь, чтобы отслужить панихиду. По дороге встретила с о. Леонтием. Он спросил, куда я иду. Когда я поведала о своей горе, он, вдруг, сказал: «Нет, твой муж не убит. И ты вскоре получишь от него письмо». Тогда я не поверила о. Леонтию. Но через несколько недель действительно получила от мужа письмо, в котором он написал: «Я жив и здоров». И после войны он вернулся домой».

Другая женщина из того же района рассказала следующее:

«В сорок первом во время немецкой оккупации мне во сне явилась Божия Мать. А у ее ног одно за другим промелькнули слова, которые я так и не успела прочесть. Что мог означать этот сон? Подруги посоветовали обратиться к о. Леонтию за разъяснением. И я пошла в с. Межиричи в церковь на праздник великомученицы Анастасии, надеясь встретиться там с о. Леонтием. Народу было много, и я не могла приблизиться к нему, лишь издали слушала его проповедь. Он стоял на возвышении и был виден по пояс. Он рассказывал о тяжести греха матери, убивающей плод во чреве своем, о важности поста и покаяния. Окончив проповедь, он, вдруг, повернулся в мою сторону и сказал: «А еще

я вам расскажу, как одной женщине явилась во сне Пресвятая Богородица, а у ее ног — неизвестные слова, которые женщина не смогла прочесть. А слова те свидетельствуют о приближении бедствий, голода и скорбей. Поскольку они посланы за грехи, то надо обращаться с покаянием к Богу и его Пречистой Матери с просьбой об избавлении от грядущих скорбей». Я так и поняла, что это сказано было для меня».

Еще один рассказчик сообщает:

«В Бокшине Корецкого района Ровенской области жил человек по имени Евмен. Он несколько раз просил Н. взять его с собой, когда тот услышит, что о. Леонтий пришел с проповедью в одно из ближайших сел. И случай представился. О. Леонтий пришел в с. Дывень, в десяти километрах от с. Бокшин. Н. зашел к Евмену, и они вдвоем зимним морозным вечером пошли к о. Леонтию. В доме, где остановился проповедник, было многолюдно. Отец Леонтий проповедовал, медленно прохаживаясь по комнате. Вдруг он подошел к Евмену и строго сказал: «Евмен, брось курить. Если же не бросишь, так сгоришь. Хорошо, если еще Бог грехи простит. А если же не простит, тогда за дымом Бога не увидишь». И пошел проповедовать дальше. Идя домой, Евмен не удержался от курения, не вняв наставлению, вынул махорку и начал крутить самокрутку. Н. выхватил из рук приятеля махорку и бросил подальше в снег, напомнив о строгом предупреждении. Но, вернувшись домой, Евмен продолжал покуривать. Через некоторое время у Евмена умерла жена. Прошло несколько лет одинокой жизни. Однажды соседи увидели дым, валивший из окон и дверей дома Евмена. Евмена нашли наполовину сгоревшим на постели, загоревшейся от папиросы. Тогда и вспомнили о пророчестве».

Девушка из Гошанского района рассказывает следующее:

«В сороковых годах, когда мне не было и шестнадцати, я шла пешком в Почасв. Группу, примерно из ста человек,

сопровождал о. Леонтий. На ночлег просились в частные дома. Но нередко ночевали, где придется. Во время одной из ночевок на току одна из паломниц подошла к о. Леонтию и спросила благословения на операцию зоба. Отец Леонтий с улыбкой сказал: «Так это, наверное, будет больно. Дай-ка я попробую Н. сделать операцию». Он взял небольшой столовый нож, подошел ко мне и поводит по зобу, который я ото всех скрывала, тыльной стороной лезвия. Он спросил: «Ну как, больно?» Я, покраснев, ничего не ответила. Все было воспринято как шутка. Но, придя домой, я обнаружила, что от моего зоба и следа не осталось. Мне уже ничто не мешало, и больше зоб никогда не возобновлялся.

В 1939 году в день воспоминания чуда Архистратига Михаила в Хонсах о. Леонтий был в храме с. Малиновки Гошанского района, где молитвенно отмечался этот праздник. В храме было много молящихся. После Богослужения во время проповеди о. Леонтий сказал: «Вот мы молитвенно почтили память чуда Архистратига Божия Михаила в Хонсах. Но после обеда у нас будет не меньшее чудо». И именно в тот день по всей Западной Украине прокатилась волна странной паники. Люди с воплями: «Режут!» бежали из своих домов, начиная от польской границы, создавая такую панику, что люди из соседних деревень, куда прибегали охваченные массовым психозом, также оставляли свои дома и бежали в следующую деревню. Ехавшие на лошадях оставляли лошадей и бежали так. Отцы в панике оставляли жен и детей, спасаясь сами, дети оставляли родителей. Дома оставались пустыми со всем имуществом, не запертые на замок. Почему-то казалось, что в соседнем селе ты будешь в безопасности. Волна всеобщего бегства прокатилась до границы с Восточной Украиной. Все это продолжалось на протяжении одного дня. Одни уже вечером, другие на следующий день вернулись домой, недоумевая о случившемся. Таким было это чудо.

Однажды на крещенский сочельник, возвращаясь из храма, мой сосед спросил идущего рядом односельчанина:

«Дядя Ваня, чем вы лечили свой больной желудок? Я ведь помню, что когда в детстве мы с отцом привозили молотье зерно на вашу мельницу, вы сидели в знойный день в овчином полушубке и были так болезненны и тощи, что я своим детским умишком подумал, что этот дядя не сегодня, так завтра умрет. А вы до сей поры живете. Да еще и прекрасно выглядите».

«Это верно, — отвечал дядя Ваня, — я болел долгие годы. Болел до войны, болел во время войны. Когда немцев погнали обратно, и до нас снова докатился фронт, в моем доме разместились санчасть. Врачи расспросили меня о болезни и решили помочь. Дали мне письменное направление в военный госпиталь. На другой день мы с женой отправились в назначенное место. После обследования мне сказали, что нужна операция. Но пока нужно повременить, чтобы фронт отошел подальше. Иначе при случайной бомбежке могут быть плохие последствия. Поблагодарив за оказанное внимание, я вышел на базарную площадь в надежде, что увижусь с кем-нибудь из знакомых и на повозке доберусь домой. И там я увидел отца Леонтия, окруженного несколькими женщинами. Увидев меня, он оторвался от беседы (тут надо заметить, что я с ним тогда лично не был знаком) и спросил: «А ты, Ванька, почему здесь?» Я все ему рассказал. «Не советую я тебе делать операцию, — сказал он, — обратись лучше к Святой Церкви, исповедуйся, причастись святых Христовых Таин, отслужи молебен — и Бог тебе поможет». Придя домой, я все это исполнил. С тех пор начал поправляться. И вот уже более двадцати лет я здоров, все кушаю, водочку пью и курю. Говорю вам это безо всяких преувеличений. Вы же сами прекрасно знаете, каков я был».

Автор этих строк был свидетелем этого разговора. И вспомнились мне тогда слова Христа, сказанные исцеленному: «Вот ты выздоровел: не грехи больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже». Вот и к нашему исцеленному вскоре

вернулась его болезнь, и он умер от рака желудка, не дожив до старости.

Встречались мне такие люди, которые один единственный раз встречались с о. Леонтием. Но и эта встреча оставалась для них незабвенной. Вот рассказ домохозяйки, долгое время страдавшей от головных болей:

«Слыша от людей, что отец Леонтий многим помогает излечиться, я решила с ним встретиться и попросить святых молитв о моем здоровье. Я не могла бросить хозяйство и все ждала случая, когда он будет где-нибудь рядом. И вот однажды я пришла в дом, где было так много людей, что мне пришлось стоять у порога. Я уж потеряла всякую надежду побеседовать с ним. Очень многие обращались к нему со своими невзгодами. А через некоторое время о. Леонтий сам, раздвинув собравшихся, подошел ко мне, взял своими руками меня за голову и сказал: «Не скорби, Мария, все будет хорошо». С той поры голова моя не болела никогда».

А однажды я расспросил одного из тех, кто, оставив свой дом, посвятил себя странничеству и проповеди слова Божия. Это был Омельян из с. Бельчаки Березновского района Ровенской области, странствовавший более тридцати лет, терпя при этом многие беды и лишения. Что заставило его нести нелегкий крест? Вот что он рассказал:

«В молодости я не раз слышал от соседей, что на базарах они часто видят человека, который стребаёт в кучу снег, становится на него босой и проповедует слово Божие целый день, несмотря на большие морозы. Однажды в ясный зимний день, стоя во дворе своего дома, я увидел человека, идущего со стороны реки в село. Как мне показалось, он словно бы не шел, а плыл по воздуху и в тот момент был как раз посередине между высокими берегами реки. И шел он с крестом в руке. Я поспешно вошел в дом и спросил, не того ли человека видели на базарах проповедующим? Покуда собрались и вышли из дома, он уже подходил к сельской площади. Навалив кучу снега, он снял ботинки, встал на кучу и стал проповедовать. Собравшиеся люди целовали

деревянный крест и говорили, что это тот самый, который проповедует на базарах. А я подумал: крест я и в церкви поцелую, и решил приложиться к его руке. А он словно прочел мои мысли и протянул мне руку. Когда я поцеловал ее, он положил руку мне на голову. И с той поры зародилась во мне любовь к нему. Я стал всюду искать его, ходил к нему и слушал его. Однажды он мне сказал: «Омельян, твоих детей Матерь Божия возьмет на свои руки. А ты иди за мной». Так я и следую за ним».

А вот рассказ другого странника — дедушки Гордея из села Подлески Гощанского района, хорошо знакомого с о. Леонтием. Однажды за несколько дней до Покрова о. Леонтий спросил его: «Брат Гордей, куда думаешь идти на Покров?» «В Блудов, — ответил Гордей. — Там торжественно и многолюдно отмечается сей престольный праздник». «Там службы не будет», — сказал о. Леонтий. Никак не мог поверить Гордей в то, чтобы в день престольного праздника и вдруг не было службы в храме. А отец Леонтий говорит: «Ну, хочешь, иди. А будешь идти от храма, и встретит тебя женщина, приглашая на обед, ты топни ногой и скажи ей: «Смотри, не режь корову на Покрову и не вези на базар продавать!» А потом оставь ее и иди своей дорогой».

Пришло время праздника. Дедушка Гордей пришел к храму. Время начинать Богослужение — но храм закрыт. Обошел храм дедушка Гордей, помолился, посидел на скамейке, вспомнил слова о. Леонтия и задумался, что же могло случиться? Тут к нему подошли люди и сказали, что службы не будет, потому что ночью кто-то порезал телефонные провода, и теперь все, боясь мести военных, убегают из села. Боятся мести и священник. «Одно исполнилось, — размышлял Гордей, уходя. — Исполнится ли второе?» Гордей со своей плетеной кошелкой, с которой никогда не расставался, пошел в направлении с. Синев Гощанского района. Не успел он выйти из Блудова, выходит к нему из дома женщина и говорит: «Дедушка, зайдите к

нам на обед". Вспомнил Гордей сказанное о. Леонтием, топнул ногой и сказал, что велел наставник. Женщина еще долго стояла на одном месте и смотрела ему во след. В душе Гордея зародилась жалость и сомнение: а вдруг он оскорбил ни в чем не повинную женщину. В другой раз, когда Гордей шел мимо того двора, сам зашел в дом и спросил: «Правда ли, что вы резали корову на Покров и возили продавать?» «Правда, — ответила женщина. — Как раз в тот день заболела наша корова. Боясь, чтобы она не пропала, мы ее зарезали и повезли продавать». Гордей рассказал женщине о причине своей прозорливости, наставил ее не нарушать праздники и воскресные дни, а сам, укрепясь верой и духом, пошел путешествовать дальше.

Многие при встрече с о. Леонтием брали у него благословение. Однажды мать привела к нему двух своих сыновей и попросила: «Отец, благословите ребят. Это мой старший. Он, наверное, будет монахом, потому что мало кушает и такой худой. А этот — младший. Он кушает хорошо, и поэтому, наверное, такой бравый и верткий. Из него, конечно, монаха не выйдет». Отец вначале благословил старшего, а благословляя младшего, сказал: «Да-да! Этот будет монах». «Не этот, отец, а старший», — возразила мать. Но Леонтий стоял на своем, указывая на младшего.

Прошли годы, те мальчишки выросли, поступили, вначале старший, а потом и младший, в духовную семинарию. Окончив ее, старший женился, стал священником. А младший окончил и академию и принял монашество, став иеромонахом. Родители и сыновья часто вспоминали то памятное для них благословение и исполнившееся пророчество. А однажды младший, приехав к родителям, решил навестить отца Леонтия. Это было уже незадолго до его смерти. Отец Леонтий после беседы взял старую шапку гостя и сказал: «Какая у тебя красивая шапочка!» Перекрестив, отец Леонтий примерил ее, еще раз посмотрел, похвалил и отдал обратно. Вскоре гостя о. Леонтия возвели

в сан архимандрита и дали ему действительно «красивую шапочку».

Однажды, когда о. Леонтий проповедовал возле храма в с. Андрусиев Гошанского района, к нему подошел молодой мужчина и с насмешкой сказал: «Кончай говорить. Оставь немножко для Сосновки». (Сосновка — бывший райцентр). Отец Леонтий ответил: «Если ты хочешь, чтоб я не говорил — будь по-твоему». Через некоторое время жена родила тому молодому мужчине сына. Ребенок оказался немой. Как ни укорял себя отец за дерзость — поправить ничего было нельзя.

А вот несколько других случаев из жизни отца Леонтия, свидетельствующих о его даре прозорливости.

Однажды в селе Горбакове о. Леонтий подошел к колыбели и, улыбаясь ребенку, сказал: «А ты, наверное, доктором будешь!» Действительно, мальчик вырос, выучился и стал доктором.

В проповедях своих о. Леонтий «Кайтесь!» иногда провозглашал так громко, что иным казалось, что дрожит земля и наступает страшный суд. Так было однажды в селе Неверкове, где люди после «Кайтесь!» пали ниц.

В сороковые годы, когда однажды о. Леонтий вел паломников в Почаев, в Гоше он был задержан милицией и взят под стражу. Когда пришло время допроса, оказалось, что арестованного нет в камере. Догнав идущих в Почаев, милиция обнаружила, что о. Леонтий как ни в чем не бывало ведет народ дальше. Его взяли снова, посадили в машину, чтобы везти обратно, но машина не заводилась. Ее пытались отремонтировать, завели, но только сел отец Леонтий — двигатель заглох снова. Наконец, отпустили злополучного арестованного — только тогда и смогли уехать.

IX

Благодаря проповеднической деятельности о. Леонтия у него появилось много знакомых во всех уголках страны.

Вначале они сами приезжали на Волынь для встречи с отцом, потом приглашали его к себе. Появились у о. Леонтия и наиболее близкие люди, способные «раздавать таланты». Он их посылал туда, куда не мог выехать сам. О некоторых из них, отошедших уже в загробную жизнь, следует тут вспомнить, так как они были сподвижниками о. Леонтия и ближайшими его учениками и помощниками.

Светлую память о себе оставил дедушка Кирилл, уроженец села Горбакова Гощанского района. Трудюбивый сельский труженик. Имел землю, фруктовый сад, ветряную мельницу, держал скот. По воскресным дням любил посещать церковь, петь и читать на клиросе. Познакомившись с о. Леонтием, он часто приглашал того в свой дом и слушал его наставления. Когда начались паломничества в Почаев, у дедушки Кирилла всегда делались остановки. Весь его большой двор и сад были заняты людьми. Посреди двора разжигали костер, а над ним вешали большой котел, в котором варили обед или ужин для путников. Часто и сам хозяин собирался и, оставив хозяйство, жену и детей, шел паломником в Почасв. В своем доме он устроил небольшую келейку специально для странников. Особенно много он служил страннице матушке Александре (впоследствии схимонахине Херувиме). Наконец, и сам он оставил свое хозяйство на жену и детей и стал странствовать по святым местам, лишь изредка навещаясь домой. Получив благословение на проповедь, он ревностно трудился, бывая как в окрестных селах, так и в дальних местах. В 1962 году он был задержан в Москве и осужден на десять лет тюремного заключения. Через два года, в 1964 году, умер и похоронен на тюремном кладбище. На могиле друзья по лагерю водрузили небольшой деревянный крест. Но на том история дедушки Кирилла не закончилась. Через два года после его смерти о. Леонтий прислал «деткам» письмо, чтобы Кирилл забрали на родину. Собрали средства, договорились с сыном Кирилла Архиппом и послали с ним послушницу схимонахини

Херувимы. Матушка сказала ей: «Едь! Едь! Нужно привезти его, потому что там мощи. Их надо в церкви поставить. Нельзя, чтобы они были в земле».

Приехав на место, Архипп обратился к начальнику лагеря за разрешением вскрыть могилу. Тот посоветовал просить разрешения в Москве и там же заказать цинковый гроб. Когда все было улажено, на непривычное зрелище собрались посмотреть многие жители и даже дети околелагерного поселка. Когда сняли крышку с гроба, все увидели совершенно нетленное тело. Сын Кирилла и послушница приложились к мощам. С помощью рабочего тело переложили в цинковый гроб. Начальник лагеря дал машину, и в Великую Субботу 1966 года тело было привезено в родной дом и на второй день Пасхи при большом стечении народа захоронено на родном кладбище.

Другой ученик о. Леонтия, оставшийся в памяти народной после безвременной кончины, — Николай, уроженец села Сапожина Корецкого района, родившийся в 1930 году.

В детстве, разбирая трофейный заряд, он лишился обоих глаз, левой руки (по локоть) и частично пальцев правой. Отец Леонтий часто брал его с собой на проповеди и учил истинам веры Христовой. Юный Николай вскоре и сам начал проповедовать слово Божие. Верующие приводили его в свои дома, приглашали соседей и родственников слушать его поучения. Так он неделями жил в домах верующих, переходя от одних к другим, уча тому, чему сам научен. За свою недолгую жизнь он посетил верующих во многих городах страны, многих неверовавших обратил к вере. Когда по болезни Николай уже не мог выезжать из дому, к нему ехали за духовными наставлениями и советами. Умер Николай в 1975 году на сорок пятом году жизни. Могила его на местном кладбище посещается друзьями и поныне.

Еще один из числа последователей о. Леонтия, ныне также покойный, — Никита из села Хупкова Березновского

района Ровенской области. Еще в детстве он сыновней любовью привязался к о. Леонтию, тоже начал проповедовать, за что был осужден. Из заключения вернулся больной телом, но крепкий духом. Умер в 1975 году. Похоронен в с. Сосновке Березновского района.

Следует вспомнить также родных братьев Василия и Омельяна, уроженцев села Бельчаки Березновского района, более тридцати лет посвятивших странствованию и проповеди, дедушку Гордея из Подлески, дедушку Алексея из Курозван, дедушку Федора из Симонова и другого Федора из Хмельницкой области. Есть и другие, достойные светлой памяти, отшедшие уже в вечную жизнь. А некоторые еще живы и хранят память об ушедших в мир иной и, в первую очередь, об отце Леонтии как руководителе и наставнике, ведшем к благочестивой и святой жизни.

Вспомним здесь и об одной девушке, духовно связанной с о. Леонтием, своей праведной жизнью заслужившей добрую и вечную память. Это Галинка, 1929 года рождения, из с. Дывень Корецкого района. Прекрасным пением она не один год украшала Богослужения Липенского монастыря. Всю свою молодую жизнь она отдала этому монастырю, молитвой и пением служила Богу день и ночь. На этот путь она ступила, не имея от роду и пятнадцати лет. Уже в этом возрасте она отказалась от мясной пищи. В понедельник, среду и пятницу держала сухой пост. Жизнь ее была многотрудной и краткой. Заболела туберкулезом легких, и здоровье стало с каждым днем ухудшаться. Архимандрит Иаков уговаривал ее есть свиной жир и все, что полагается при этой болезни, предложив материальные издержки взять на себя. Но Галинка ради поста отказалась. Наконец, она слегла и даже не имела сил держать книгу для чтения каждодневных правил. Она просила бабушку поддерживать книгу. В 1948 году на девятнадцатом году жизни она отошла в мир иной. Именно в этот день пришло письмо от о. Леонтия, в котором, между прочим, были такие слова: «Радуйся, Галинко, невеста Христова прекрасная!» На пог-

ребение собрались ее друзья и родственники. Родителей не было, они находились в Омске на высылке.

За преданность и любовь к Липенскому монастырю настоятель разрешил похоронить ее в монастырской ограде, на что при жизни Галинка дала согласие. Тело перенесли в любимую ею обитель и предали земле с правой стороны от храма в нескольких шагах от клироса, на котором она так много молилась и читала псалмы.

Объятый скорбью о любимом духовном чаде, архимандрит затворился в келейку с родниковым источником под алтарем и сорок дней читал Псалтырь, молясь Богу, чтобы тот указал, где находится душа Галинки. На сороковой день он услышал голос: «Если хочешь быть там, где невеста Христова Галинка, откажись от мяса». Архимандрит написал об этом откровении в письме, поставил церковную печать и выслал родителям Галинки в Омск. А в конце прибавил, что навсегда отказывается от мяса. Впоследствии его часто можно было видеть стоящим в раздумье у могилки девушки и тихо молящимся. В дни поминовения усопших он выходил сюда, служил панихиды, молился об упокоении души ее. После закрытия Липенского монастыря он ушел обратно в Почаевскую Лавру и там окончил последние дни своей жизни.

Когда монастырь был закрыт и разрушен, родители Галинки решили перенести тело на кладбище. Приехала и сестра девушки из Омска. Могилу раскопали. Деревянный гроб почти сгнил и опустился в образовавшуюся под ним пустоту. Открыв полусгнившую крышку, увидели свежее, как-будто вчера похороненное тело, прекрасное лицо. Цело было и Евангелие, положенное в гроб, несмотря на то, что пролежало в земле четырнадцать лет.

Таковы люди, шествующие спасительным путем, указанным о. Леонтием, и получившие дерзновение у Господа. Их нетленные тела — свидетельство того, что избранный ими путь духовного восхождения был верным. Все они, находясь в миру, вели монашеский образ жизни,

лишив себя однажды тленных радостей. Они не вышли из мира телом, но подчинили тело духу, не дожидаясь, когда наступят для спасенья более благоприятные времена. Ибо как наставлял о. Леонтий: «Дорожите днями, потому что сейчас Ноевы дни».

Аминь и Богу слава!

ЖИЗНЬ И ДЕЯНИЯ СХИМОНАХИНИ ХЕРУВИМЫ

Поскольку святые люди о себе и о своих духовных подвигах не рассказывают, а особенно те из них, которые Христа ради юродствуют, о них пишут по наблюдениям и рассказам людей, имевших с ними близкое общение. На этом построены и воспоминания о матушке схимонахине Херувиме.

Из рассказа племянницы, приезжавшей навестить свою тетю в старости, стало известно, что родилась матушка в деревне Грудинино Себежского района Псковской области. Год рождения установить невозможно. А сама матушка, юродствуя, говорила: «Мне уже триста лет».

После ее смерти в 1968 году в бумагах матушки, составивших вместе с иконами основную часть ее имущества, нашлась справка, выданная 16 сентября 1965 года на имя Наумовой Анны Никитичны, родившейся в 1887 году в деревне Чуково Себежского района Псковской области. Справка была выдана в связи с выездом в Латвию в г. Тукумс. Вместо личной подписи — надпись: «Неграмотная». Справка эта принадлежала жене родного брата м. Херувимы. И отсюда выяснилось, что фамилия матушки — Наумова. А первоначальное мирское имя, как она сама говорила — Александра. Годом ее рождения можно примерно считать год рождения жены брата.

Отец ее — Григорий. А мать — Пелагия. Их матушка всегда писала первыми в своей грамотке «за упокой». Писала также братьев Иоанна и Симеона и сестру Евдокию.

В шестидесятые годы матушка посылала одну из своих послушниц на родину, в Псковскую область. Ни родителей матушки, ни братьев, ни сестры в живых уже не было. Из беседы послушницы с женой брата Анной стало известно, что будучи ребенком маленькая Александрушка ночами вставала на молитву и при этом горько плакала. С ранних детских лет душа ее стремилась к Богу. Ночные пламенные слезные молитвы она скрывала от родителей. Однако,

слыша детский плач, мать вставала и заставляла дочь на молитве. Мать спрашивала: «Почему ты плачешь, доченька, и не спишь? Ложись. Ведь ты знаешь, как болит моя душа, когда я слышу, что ты плачешь. О чем тебе плакать? О чем беспокоиться? Ты еще маленькая, и родители у тебя есть. Ложись, отдыхай».

После уговоров Александрушка шла спать. Но только мать выходила из комнаты — Александра снова становилась на молитву и опять горько плакала. Удивлялись родители, слыша рыдания своей дочери во время молитв.

В четырнадцать лет она ушла в Полоцкий женский монастырь, в котором покоились мощи преп. Ефросинии Полоцкой. В этом монастыре Александра жила до тех пор, пока его не закрыли. Бывшие обительницы монастыря, приезжавшие на Западную Украину, рассказывали, что монастырское послушание Александра несла в конюшне. Она ухаживала за лошадьми и исполняла на них тяжелую монастырскую работу. Как в доме родителей, так и здесь, стоя в уединении на молитве, она плакала. Иногда то место, где она стояла на молитве, было мокрым от слез. За это сестры называли ее плаксой.

Более подробными сведениями о жизни молодой послушницы Александры мы не располагаем.

Когда монастырь закрыли, Александра получила благословение от старца-духовника на страннический подвиг.

Где и как проявила она себя на этом поприще до появления на Западной Украине — нам неизвестно. А на Западной Украине она оказалась в первой половине сороковых годов. А возможно, еще и раньше. Есть и такие недостоверные свидетельства.

Не привлекая к себе внимания, выдавая себя за юродивую, Александра месяцами молилась в Почаевской, Киево-Печерской лаврах, в Кременецком, Дерманском, Корецком монастырях. Чаще всего ее можно было видеть в Почаевской лавре. Днем она присутствовала на Богослужении. После этого добровольно исполняла

послушания: убирала в храме, помогала на кухне, трудилась на огороде. Ночи проводила тут же, неподалеку от храма. Подстилала старенькое рядно, укрывалась платком. Иногда молилась ночи напролет по четкам, а утром снова шла на Богослужение. Даже осенью и зимой она была одета очень легко и часто без обуви, за что ее называли «босой Александрой». Питалась порой одними просфорами. Запивала святой водой.

Иногда сторожа гнали ее за монастырские стены. И однажды ей пришлось провести зиму в лесу в шалаше, который она построила из сосновых веток. Это было вблизи Почаева около села Комаровки.

Однажды, когда матушка с послушницами была в лесу, пошел сильный дождь. Все вокруг быстро намокло. А те, кто был тогда с матушкой под открытым небом, остались сухими.

Очень любила матушка церковь Иоанна Богослова в деревне Кимнаты близ Почаева и часто бывала там.

Где бы ни находилась матушка, всюду люди находили ее и просили утешения. И никому она не отказывала.

Как-то в деревне Гаи пришла к матушке девушка, у которой болел желудок. Девушка вообще не могла принимать пищу, а матушка подала ей кусок ржаного хлеба. «Если я его съем, тот тут же умру!» — сказала девушка. Но матушка настаивала. Когда больная съела хлеб — боли прекратились, и девушка выздоровела.

В деревне Таражи Кокорови она предсказала одной женщине, что из ее сына выйдет «большой человек». Что и сбылось. Он впоследствии стал архиереем.

Неся свой нелегкий крест, матушка не раз была осмеяна не только простыми людьми, но и монахами. Ибо самый тяжелый крест — крест юродства. Но были и такие, которые уразумевали, какой свет таится в кажущейся нищенке. В словах юродивой часто обличалась греховная жизнь, предсказывалось будущее. Юродствующая матушка ясно видела жизнь и сердце человеческое. В ее словах, казалось бы,

лишенных логики, потом выяснялась святая правда, что побуждало многих прислушиваться к ее наставлениям, просить святых молитв и благословений. И всем, в ком матушка усматривала искреннее желание идти на покаяние, она не отказывала в просьбах. Как по ступенькам вела она к очищению, говоря: «Бросьте мирскую суету. Я хочу, чтобы вы были святыми». Если человек стремился к покаянию, она ласково принимала его, беседовала с ним. Если же он совершал что-либо греховное, она обличала его, призывая к покаянию.

В сороковые годы матушку приютил в своем доме дедушка Кирилл из с. Горбакова. Потом он часто путешествовал с нею по святым местам. Запрягал свою лошадь и возил по окрестным храмам. Когда же он сам оставил свой дом и ушел проповедовать, матушка опять переселилась в Почаев. И было это в конце пятидесятих годов. У матушки тогда уже были и послушницы.

Как-то в преддверии Пасхи самая молоденькая из послушниц заскорбила: как хорошо дома, там все-все есть. А им то и дело приходится испытывать то голод, то холод. Об этом послушница только подумала, не произнеся ни слова вслух. А матушка уже утешает: «Не скорби. У нас тоже все будет: и куличи, и яички, и рыбка».

В 1964 году матушка призвала своих послушниц и сказала: «Увезите меня отсюда». Те спросили, куда же ее везти, и по просьбе матушки перевезли ее в Терентиев неподалеку от Курозван Ровенской области и поселили у благочестивой вдовицы Соломонии. Отсюда по воскресным и праздничным дням крестьянин по имени Иоанн возил ее на своей повозке в храм у с. Синев. Через несколько месяцев матушка переселилась в это село, поближе к храму. Поначалу она жила у Феклы, а потом — у того же Иоанна.

В дни церковных Богослужений матушка со своими послушницами, которых у нее было три или четыре, шла в храм задолго до восхода солнца. Ожидая его открытия, располагались у дверей. Сидя на паперти, матушка

молилась, перебирая четки. И это было самое удобное время для тех, кто хотел с матушкой побеседовать.

Расскажем о том, как она выглядела, во что одевалась. Фотографий своих она не оставила. Да, вероятно, никогда и не фотографировалась. Какой она была в молодости — можно только догадываться. Но вот как она сама говорила о себе одной из своих послушниц, которая задумала купить новый платок. «Когда я была молодая, — вспоминала матушка, — тоже была красивая. Я иду, а меня мужчины зовут. А я на них не гляжу. Платок рваный низко на глаза натяну — и так уйду».

Последние десять лет она выглядела уже изможденной страданиями и подвигами сторбленной старицей. Лицо — продолговатое и покрытое множеством морщин. Глаза живые, блестящие, карие. Нос тонкий, губы выпуклые. Одевалась она намеренно так, чтобы выглядеть хуже всех. На нижнюю полотняную рубашу надевала латаный халат, иногда несколько халатов. Надевала несколько крестиков, цепляла иконки. Сверху — недлинное старое пальто или полушубок с заплатами. Когда-то ходила босой, а в старости носила большие мужские ботинки, так что ноги с трудом волочила. Чулок — несколько пар. В правой руке — палка, которой она все перед собой крестила, в левой — узелок.

Зайдя в храм, матушка прикладывалась ко многим иконам. Затем развязывали с послушницами свои узелки и клали на панихиду свои дары: хлеб, пироги, яйца, яблоки, помидоры, огурцы, постное масло, сахар и многое другое из того, что приносили ей в милостыню люди. Ставила и коливо, которое сама ложкой, сидя, раздавала после панихиды. Потом брала много свечей и расставляла по всем подсвечникам. За каждым Богослужением исповедовалась и приобщалась Св. Тайн. После Богослужения она опять прикладывалась ко всем иконам и делала это так продолжительно, что некоторые церковные старосты проявляли

недовольство: «Сколько еще эта бабушка будет задерживать нас в храме?!»

Выйдя из храма, она отпускала всех своих спутников и благословляла их на дорогу. Потом, отдохнув немного, она шла с послушницами на кладбище и там оставалась до вечера. Когда становилось темно, шли домой.

Многие приезжали навестить матушку. Она поучала, наставляла, советовала, указывала путь правды, спасительной христианской веры. Говорила: «Молитесь и кайтесь, не судите, посты соблюдайте, в храм входите со страхом». Обличала лишнее хождение по храму и разговоры во время Богослужения. Внушала добрые дела творить, милостыню давать, нищим сострадать, странников принимать. Учила терпеть, не роптать, не завидовать, не носить зла в сердце своем, не осуждать священнослужителей и монашествующих. Со многими соборовалась. А после соборования стручки, которыми помазывает священник, матушка собирала и прятала за пазуху.

Местный священник о. Василий относился к ней уважительно, называл ее «бабушкой», служил все, что она заказывала, и говорил: «Эта бабушка не простая».

В доме Иоанна и Параскевы, в котором она находилась со своими послушницами, всю неделю беспрестанно по очереди читался Псалтырь, акафисты.

Послушницы готовили пищу, занимались рукоделием: делали венки для украшения икон, писали грамотки, готовили хлеб и коливо для панихиды. Вечером, когда послушницы молились, матушка отдыхала. А когда те ложились спать, молиться начинала матушка: сперва по четкам, потом потихоньку пела псалмы и церковные песнопения. И так — до утра.

Кроме больших церковных праздников, матушка свято чтит и все дни чудотворных икон Божией Матери, а также все пятницы.

Однажды во время уборки ржи в пятницу хозяйка, идя на работу, спросила у матушки благословения. Но та в ответ

только отвернулась. Когда хозяйка попросила настойчивее, матушка ответила: «А если бы твой сын лежал на смертном одре, ты бы работала?»

Иногда матушка спрашивала послушниц: какую хотите погоду? И какую бы они погоду ни пожелали — такая погода и была.

Иногда она повторяла: «Ох, какая черная хмара идет, какая черная! Если бы люди это знали, то по пятнадцать суток стояли бы на молитве в посте. На земле будет такое твориться, что от начала мира такого не было».

В 1966 году матушка схимонахиня Херувима переехала в село Заставье Корецкого района Ровенской области и поселилась у вдовы-старушки в стареньком, по окнам вросшим в землю доме, в пятидесяти метрах от храма. Настоятелем здесь был постриженник Дубенского Крестовоздвиженского монастыря игумен Анастасий. Он с любовью относился к матушке, часто приглашал в свой дом, беседовал, исповедовал, причащал, служил заказные молебны, панихиды, соборования. Он же и совершил постриг матушки в схиму.

В храм приезжало много богомольцев со всех концов страны, которые ехали к матушке за духовными наставлениями.

Как в Синевае, так и здесь, матушка с послушницами задолго до рассвета уже сидела на паперти храма, ожидая его открытия. И в храме вела себя точно так же. И опять каждый раз исповедовалась и причащалась, призывая следовать ее примеру приезжих.

После Богослужения она выходила из храма, садилась с северной стороны на ступеньках паперти, а неподалеку от нее прямо на траве располагались приезжие. Там они раскладывали кушанье — и так вместе обедали. После трапезы каждый просил у матушки благословения, спрашивал совета. Потом с миром все разъезжались по домам. Благословляла матушка рукой, осняя крестным знаменем на

расстоянии. Руку целовать она не давала никому, за исключением, может быть, самых близких.

Потом, когда все расходились, матушка шла с послушницами домой и по немощи своей целую неделю никуда не выходила. Приезжие оставляли ей много милостыни: деньги, одежду, продукты. Она все принимала и готовила новую панихиду. Часть денег расходовала на свечи, на платки, на иконы, часть рассылала в другие церкви и монастыри. Порой она не только принимала приносимое, но и сама просила, причем такие вещи, которые, казалось бы, совсем ей не нужны. Какое-нибудь мужское пальто или полушубок, или шапку, или ботинки и т.п. Бывало, положит все это около себя, что-то накинет на плечи, чем-то укутает ноги. Вроде бы попользуется всем сама. А потом раздает другим.

Матушка очень дорожила иконами. И собирала их. Иногда просила подарить ей ту или иную икону.

Небольшой дом, в котором жила матушка, был разделен на две маленькие комнаты. В первой, кухне, жила хозяйка — старушка Анна. Во второй — матушка с послушницами. Место матушки было в северном углу на деревянном топчане напротив окна, в котором был виден храм. Тут же было разложено немало узелков матушкиного добра. Тут и старые пиджаки, и халаты, и платки, и валенки, и ботинки. Там — пузырьки со святой водой и маслом. На топчане, покрытом стареньким одеялом, сидела матушка. Рядом с ней узелки с иконками, крестиками, книгами, грамотками, разными бумагами. Так она и просиживала целую неделю, а в воскресенье шла в храм.

Стены в комнате у матушки также были увешаны разными иконами и крестами. Одни были хозяйкины, другие — подарены матушке, а третьи — нарисованы самими послушницами. И как бы ни были они нарисованы, матушка их принимала, целовала, расставляла около себя или в узелок завязывала.

Однажды послала она свою старенькую послушницу в

Гудков: «Иди, — говорит, — там мне икону намалюешь». Когда послушница расположилась рисовать в доме, который ей был указан, хозяин посмотрел на ее бесплодные старания и предложил: «Давайте я вам нарисую». Когда послушница показала нарисованную икону матушке, та опять ее отправила в Гудков: «Беги, беги, пусть малюет еще». Когда однажды этот человек решил сам занести рисование, матушка его приветливо встретила и говорит: «Малюй еще. Это рай. Надо еще золотить».

В другом углу комнаты, в которой жила матушка, у восточной стены стояла скамейка. А против нее — кровать для послушниц. Все свободное место было занято разными узелками, ящичками, сундучками. Пройти по комнате, чтобы обо что-нибудь не споткнуться, было непросто. Но в эти «покои» было непросто и попасть, поскольку матушка мало кого сюда пускала, ибо здесь шла беспрестанная молитва.

Пищу по очереди готовили послушницы. В пост — только постное, в прочие дни добавлялись рыба, яйца, молоко. Но бывали случаи, когда и на самую Пасху матушка не вкушала скоромной пищи, говоря: «Как я буду кушать это, когда люди грешат?»

Особенно близким и знакомым матушка иногда разрешала входить в свою комнату. Беседовала с ними, наставляла, как душу спасти. Помогала решать и житейские проблемы: купить дом или не покупать, продать или не продавать, ехать туда-то или не ехать и многие другие.

Однажды пришел к матушке один знакомый благочестивый муж и сказал, что ему грозит высылка. Матушка, молясь, ему посоветовала: «Иди за печку (которая была на кухне) и там молись». И продержала его у себя с утра до вечера. Потом говорит: «Иди домой смело. Опасность миновала. Я всех разогнала». Еще сказала, что ему надо быть батюшкой. Так все и сбылось. Его рукоположили уже в преклонных летах. В твердой непоколебимой прав-

ославленной вере прошел он остаток жизненного пути. Теперь он уже предал Богу дух. Это был отец Андрей (Закотюк), настоятель церкви с. Щскичин.

Все простые люди знали, что если поступить, как советует матушка, то все будет хорошо.

Обращались к матушке и с серьезными вопросами, касающимися, например, войны и мира. Рассказывают, что когда во время конфликта с Китаем люди говорили матушке о том, что Китай на нас идет, то она отвечала так: «Он сюда не придет. Я его не люблю».

Но основным в подвижничестве матушки было все же поучение, духовное наставление. И на первом плане всегда было девство. Оно являлось как бы краеугольным камнем, на котором созидалось все строение матушкиных поучений. Всем же тем, кто уже состоял в супружестве, она советовала отказаться от плотской жизни и призывала к монашеству. Как у о. Леонтия на первом плане был правильный крест, а от него все остальное, так у схимонахини Херувимы на первом плане была телесная чистота.

Был случай, когда супружеская чета взяла на себя обет тайно нести подвиг чистоты — и матушка много раз любезно их принимала. Когда же они однажды нарушили обет и показались на глаза матушке, та погрозила им палкой и сказала: «Мне стыдно за вас. Идите и исповедуйтесь!» И только после исповеди приняла, говоря: «Я хочу, чтобы вы были святыми».

Конечно, нельзя думать, что она требовала одной только чистоты. Но более всего она почитала именно ее, без которой со всеми добродетелями невозможно быть святым. Она требовала по сути ангельского образа жизни. И с тем, кто брал на себя такой подвиг, матушка входила в близкую духовную дружбу и открывала о себе то, что для других было тайной за семью печатями.

Приходящих матушка принимала приветливо. Но грехами иных посетителей в их присутствии обличались старенькие послушницы. И пришедшие в изумлении

осознавали свое грехопадение, и что грех не скрыт. Так, когда к матушке приходили матери со своими дочерьми, добиваясь благословения на замужество, едва они переступали порог, как матушка замахивалась на свою старенькую послушницу со словами: «Все скачешь, скачешь! Иди от меня! Замуж захотелось, так у меня хлопцев нет».

Матушка не раз говорила, что наступает очень трудное время. Тяжелые болезни лягут за грехи на людей. Такие болезни, которых мир и не видел. От начала мира не было того, что ожидает людей. Молодой послушнице она говорила: «Не скорби, что негде жить. Скоро хат будет много, да некому в них будет жить. Да гляди, на польскую веру не иди!»

За год до своей смерти матушка всем приходящим говорила: «Скоро уж кончина». Многие думали, что она говорила о кончине мира, а она предсказывала свою кончину. За неделю до смерти она потребовала, чтобы послушницы беспрестанно читали около нее один только Псалтырь. Заблаговременно готовилась матушка к своему отходу и все необходимое приготовила. За день до смерти она послала одну из послушниц за священником Пятницкой церкви (г. Корец), чтобы тот ее причастил, и начала готовить все к его приходу. Когда тот согласился и в пятницу утром прибыл, матушка его очень благодарила.

Матушке в последние дни и часы хотелось тишины и уединения. Лишь чтение Псалтыря раздавалось в ее комнате. Тех, кто приходил, матушка после короткой беседы отправляла в соседнюю комнату молиться. И снова оставалась наедине со своей молитвой.

В один из последних дней матушка послала молодую послушницу в монастырь и распорядилась раздать монашкам все свои съестные запасы, прося их святых молитв за себя, ибо все это она специально готовила к своему отходу в вечную жизнь. Об этом стало известно только перед ее кончиной.

Матушка разоблачилась и всю себя смазала маслом для соборования, как полагается по уставу для схимников. Когда послушница перед Таинством Причащения надевала на матушку мантию и схимну, то та покорно приговаривала: «Как сделаешь — так и будет. Мне ничего не нужно. Простите меня и все». Действительно, больше ничего и не было нужно. Поскольку тело схимников по смерти не омывают, а смазывают маслом.

Рано утром в субботу к матушке пришла одна женщина, а матушка ей говорит: «У меня так ноги болят! Пусть брат твой мне валенки купит». Когда валенки купили и принесли матушке, та приняла их да и говорит: «А я его (то есть брата) к себе заберу». Женщина, услышав это, заплакала, ибо подумала, что брат умрет (он в это время сильно болел). Но впоследствии оказалось, что это было пророчество другого рода. Брат через некоторое время выздоровел и однажды стал священником в с. Заставье.

В ту же субботу, 20 октября, уже в последний раз матушку исповедовал и причастил Святых тайн местный игумен Анастасий, которого матушка очень любила. Она долго беседовала с ним и обо многом поведала. Когда через несколько дней ему пришлось отпевать матушку, он со слезами говорил с амвона, что нам надо не за нее молиться, а к ней, ибо она видела все тайное, затерянное даже в собственной памяти. Она, мол, и мне объяснила всю мою жизнь.

Когда после Исповеди и Причащения Святых Тайн игумен сказал матушке, что придет еще завтра, матушка ответила: «Батюшка, меня завтра в цветах понесут».

Те, которые в тот миг были с матушкой, еще не знали, что это последний их день с ней на земле.

Силы ее ослабевали. Она уже полдня ничего не говорила и лишь изредка показывала рукой на то, что ей требовалось. Все молились. В другой комнате Псалтырь читался беспрестанно. Беспрестанно же шевелились уста у матушки от неслышных молитв.

В одиннадцатом часу вечера матушка стала тяжело дышать и вскоре предала Богу дух.

На утро матушку приготовили и персодели. И как и было сказано: «Меня в цветах понесут», понесли на воскресную службу. Понесли под удары церковного колокола с хоругвями и пением «Святой Боже...» Матушку провожало в храм множество верующих. Каждый что-то шептал, что-то просил у гроба и утирал слезу. И каждый в своей великой скорби понимал, что матушка оставила их телом, но не духом.

После Литургии была отслужена первая панихида об упокоении души дорогой матушки Херувимы.

Вскоре со всех концов страны стали съезжаться люди, духовные дети матушки. И многие, молясь у гроба, ощущали исходящую от ее тела теплоту и благовоние.

Три дня стоял гроб в храме. И каждый день служилась Литургия и панихида.

Приехали монашки и стали просить игумена Анастасия, чтобы тот позволил открыть лицо матушки, ибо по монашескому обряду лица закрывают и открывают только тогда, когда изливают при отпевании слез. На это игумен сказал: «Я пойду в алтарь и помолюсь. А вы положите по двенадцать-шестнадцать поклонов». Когда он вышел после молитвы, то сказал, что лицо он не откроет. Ибо это была большая подвижница.

На третий день, 23 октября, в день памяти апостола Иакова, Брата Господня, игумен Анастасий в присутствии священников и при большом стечении народа отслужил чин погребения. Тело было взято на рамена и с пением «Святой Боже...» шествие направилось на кладбище. При этом многие старались коснуться гроба, моля о помощи и заступничестве матушку Херувиму.

С молитвами тело предали земле на местном кладбище. По сей день люди идут на могилку схимонахини Херувимы и поминают матушку в день ее смерти, принося тем самым дар признательности и любви. Место захоронения всегда

ухожено. Посажены цветы. К кресту пристроена лампада, в которой всегда теплится маленький огонек, напоминающий о свете и тепле души Той, которая покоится под этим Крестом.

Здесь описано очень немного из того, что пережила матушка Херувима. А сколько не описано! Сколько скрыто от глаз человеческих!

II

Здесь мы хотим вспомнить некоторые события из жизни матушки Херувимы, свидетельствующие о силе ее молитвы, прозорливости и чудотворном даре.

Как уже было сказано выше, матушка в сороковые годы находилась в с. Горбакове и жила в доме дедушки Кирилла. Он, уважая матушку, исполнял все ее указания.

Однажды она попросила купить ей ботинки, причем большого размера. Кирилл исполнил поручение. Но матушка, посмотрев на ботинки, отшвырнула их от себя. А потом, схватив их, стала ими бить Кирилла. Раздосадованный Кирилл пошел и спрятался в стог. Через некоторое время пришла матушка и стала звать его: «Батюшка, батюшка, где ты?» Кирилл еще больше обиделся. Видать, насмехаясь, его называли «батюшкой». Наконец, разыскав Кирилла, матушка стала его поучать: «Не обижайся, батюшка. Ты будешь святой. Тебе надобно будет вот так перенести страдания, осуждение и заключение. Но Господь прославит тебя».

Эти слова Кирилл запомнил. Шли годы. Он и сам стал странствовать, проповедуя Евангелие. В 1962 году он был незаконно осужден, а в 1964 — умер. Там же, на тюремном кладбище, он был и похоронен.

В 1966 году матушка послала одну из послушниц, говоря: «Поезжай, с Архиппом, привези мощи Кирилла».

Много хлопот выпало в связи с этим на долю послушницы и сына Кирилла — Архиппа. Но вот все было готово: и

цинковый гроб, и документы на перевозку останков. Лагерные рабочие в присутствии свидетелей, начальства вскрыли гроб. Тело оказалось нетленным, хотя и пролежало в земле два года. Очень все удивились. А один из присутствующих, начальник казармы, сказал: «Да, дивный он был старичок».

Затем тело перевезли в родное село и предали земле по христианскому чину.

Так сбылось одно из предсказаний Херувимы. Жизнь дедушки Кирилла вместила в себя и страдания, и гонения, и заключение. Отправляя послушницу, матушка говорила, что надобно ехать, потому что в гробу мощи. «Их надо в церковь отнести. Нельзя, чтобы они были в земле», — говорила она. Действительно, тело Кирилла осталось нетленным, но находится пока не в Церкви, а в земле.

Как мы уже упоминали, в монастыри и церкви Кирилл возил матушку повозкой. Но в ближайшие деревни она ходила пешком. Обычно с матушкой шли и другие люди.

Однажды шли через село Шкаров, неподалеку от Горбакова. Стояла теплая солнечная погода. Дело было весной, и люди работали на огородах. Проходя мимо женщины, которая сеяла мак, матушка сказала: «Зачем сеешь? Завтра снег будет». И действительно, на завтра выпал снег.

В Горбакове пришла матушку проведать одна женщина. На прощанье схимонахиня сказала: «Молись, чтобы дочь твоя детей не осиротила». Женщина в тревоге и недоумении ушла. Вскоре дочь ее поехала на базар торговать. Ее с товаром, якобы для того, чтобы все купить, пригласили незнакомые люди и отвели в уединенное место. Отобрав товар, думали ее убить. Но вдруг не решились. Благодаря молитвам матери дочь осталась жива. Мать потом приходила благодарить матушку Херувиму за то, что не допустила беды.

Однажды в той же деревне матушка пришла в одну из хат. На дворе была зима, а матушка пришла босая. Ноги были красные и словно опухшие. «Отморозила, небось,

ноги, — подумала хозяйка, — ведь на дворе такой мороз!» А матушка словно прочла ее мысли: «Иди, — говорит, — Маринко, пощупай мои ноги». Та коснулась руками, а ноги теплые.

Однажды в этой же деревне, когда матушка шла из Почаева в Корец, зашла она переночевать к Павлу. Пришла мать Павла и пожаловалась матушке: «Вода залила весь берег (луг) и негде корову пасти». А утром, когда она приготовила завтрак и стала звать матушку, то застала ее на берегу возле реки. Та стояла и молилась.

Когда матушка отправилась дальше в путь, вода стала сразу сходить и к вечеру отошла в свои пределы.

Почасевский период (пятидесятые годы) отличался гонениями на матушку. Бывало, что ее забирали в «соответствующие органы», что-то выпытывали. А матушка обычно говорила: «Мне уж умирать пора. Дайте мне хоть причаститься». Ее и отпускали. Ведь старенькая уже была. Но покоя не давали. Вот и приходилось матушке бегать с места на место, из села в село, из дома в дом. Жила у разных людей, в сараях, в кладовках, на кладбищах, в лесу под открытым небом — и в зной, и в стужу, и в дождь, и в снег.

Послушницы рассказывали, что когда зимой в лесу вокруг холод и снег, в шалаше возле матушки тепло. А в ливень они не раз оставались сухи. Многие, кто приходил в шалаш к матушке, ощущали какой-то райский уют — и не хотели уходить.

Пришла однажды к матушке молодая женщина из Львова. Матушка и говорит: «Кайся, потому что скоро кончина». Придя домой, та предалась покаянию. А через несколько месяцев дошли слухи, что она умерла.

Недалко от Почаева, когда матушка жила в доме у одной благочестивой семьи, однажды ночью, когда все уснули, матушка продолжала молиться. Проснулась одна из послушниц и видит, что на табуретке рядом со схимонахиней сидит мужчина в монашеском одеянии и о чем-то с матушкой беседует. «Но как мог этот монах войти в дом? —

размышляла послушница, — ведь двери закрыты». Через некоторое время мужчина повернулся лицом к послушнице. И он был похож, как свидетельствует послушница, на Преподобного Иова Почаевского. Монах встал с табуретки, сделал шаг и как-будто растаял в воздухе.

Утром послушница спрашивает: «Матушка, у нас был Преподобный Иов?» А та ответила: «Этого никому нельзя говорить, иначе будет плохо».

В шестидесятые годы схимонахиня Херувима переселилась в с. Синев. А последнее место ее жительства — с. Заставье Корецкого района.

В Синеве в доме, где она жила, был некий юноша Н. Матушка его очень любила. Не разрешала родителям поручать ему хозяйственные работы. Заставляла его лишь молиться и читать акафисты, что он и исполнял с большой любовью и охотой. Иногда они сутками напролет, сменяясь, читали молитвы.

Однажды ночью, читая акафист Божией Матери, юноша увидел, что лицо и все тело спящей матушки светятся. Светится и место, где она лежит. Продолжалось свечение недолго, но юноша был потрясен этим.

К матушке приходили не только за советами, а и просто так, чтобы на нее поглазеть. И она, зная пустяшные помыслы, не пускала к себе. Говорила: «Ну что на меня глядеть? Я старенькая. Иди от меня. Не искушай». И действительно, когда того человека спрашивали, зачем он приходил, тот отвечал: «Все идут. Дай, думаю, и я пойду. Может, она мне что-нибудь скажет...»

Однажды в Заставье матушка позвала одну из своих близких знакомых и говорит: «Езжай побыстрее в Киев во Владимирский собор. Привези мне Матерь Божию. Она там плачет. Езжай побыстрее. Я боюсь, что что-то будет, когда машина на машину наедет. Но езжай. Я буду молиться».

Та приехала во Владимирский собор — и не знает, к кому обратиться, чтобы спросить об иконе. Наконец, служба

кончилась, все разошлись. Она подходит к записчице и рассказывает о цели приезда. Та удивленно посмотрела на свою помощницу и сказала: «Действительно, нам вчера принесли старенькую икону Божией Матери, и мы не знаем, кому подарить». И вынесла потемневшую от времени, на доске написанную икону Матери Блжией и отдала приезжей. Женщина взяла икону, села на попутную машину и поехала домой. А ночью, как предвидела матушка, на той машине попала в аварию, но осталась невредима.

Много матушке приносили милостыни. Она все принимала. А потом раздавала и поучала других, чтобы и те дарили бедным.

Однажды пришла к матушке знакомая Н. А матушка ей говорит: «Мне сегодня чудной сон приснился. Будто я на том свете. И вижу какую-то женщину. Она, как и я, такая же бедная и так же плохо одетая. А меня стыдится и говорит, что она твоя какая-то родственница».

Н. задумалась и сказала, что несколько дней назад умерла мать жены брата. Может, это она и приснилась? Покойница была вдовой. Жила очень бедно. И, конечно, никому ничего не давала в милостыню. Но кое-что после смерти все же осталось. И это «кое-что» взяли и раздали нищим. Когда Н. в следующий раз пришла к матушке, та и говорит: «Опять я видела во сне твою родственницу. Она уже была одета получше». И матушка перечислила все, во что была одета родственница. И это были вещи, розданные нищим.

Другая женщина приехала издалека и жаловалась, что больная рука после паралича не поднималась, пальцы не шевелились. Матушка послала ее с послушницами в соседнее село и сказала: «Там исцелишься».

Перед ужином та женщина молилась и крестилась левой рукой. После ужина послушницы сложили ей пальцы правой руки и помогли три раза перекреститься больной рукой. И тут женщина начала помаленьку сама креститься

больной рукой. Да все лучше и лучше. К утру рука совсем отошла, и женщина пошла благодарить матушку.

И каждому страждущему, пришедшему к матушке, было какое-либо облегчение или откровение, которое когда-нибудь исполнялось.

Пришел к матушке знакомый из Сапожина. Матушка тогда была в Корецком монастыре. И попросил благословения сено косить. А матушка говорит: «Сейчас пойдем в Георгиевску (Георгиевский храм в г. Корец — прим. автора) молиться». А он: «Матушка, мне же надо сено косить». А матушка ему говорит: «Я боюсь. Что ты будешь делать, когда машина перекинется?» А он твердит одно: «Мне надо сено косить». Остановил машину, сел. Но недолго ехал. Попадает машина в аварию. Остановил другую машину. И на ней недолго ехал — сломалась. А третья машина перевернулась, как и предсказывала матушка. Слава Богу, знакомый матушкин остался жив. И пошел дальше уже пешком, мысленно прося прощения у матушки. Когда опять встретил матушку, то пригласил ее на праздник — на Миколу. А матушка говорит: «Не так просишь». Тогда он сказал так: «Если будет Богу угодно и Матери Божией, то приедьте к нам на праздник». Матушка улыбнулась и говорит присутствующим при этом разговоре: «Поедем-поедем! Там будет восемь батюшек». Удивительно, но так оно и было. На праздник приехало восемь священников из разных мест.

Однажды пришла к матушке девочка. Схимонахиня даст ей карандаш и говорит: «Рисуй икону». Девочка отвечает: «Я не умею». А матушка знай заставляет. И о, чудо! Девочка неплохо нарисовала. И рисует иконы до настоящего времени.

Приехал к матушке за благословением художник — реставрировать церковь. А она говорит: «Там так темно. Ты езжай, просвети церковь. Голубым рисуй. И напиши: «Святой Боже». Все исполнил художник и прибыл опять за благословением — золотить иконостас. «Как надо золотить

— в Киеве узнаешь», — сказала матушка. Художник подумал, что сказанное уже сбылось, поскольку он уже золотил иконостас в Корце, то-есть в киевской стороне. Но сказанное сбылось лишь через 15 лет. Художник попал в Киев и там узнал, как правильно золотить иконостас.

Тот же художник рассказывал, как он в первый раз приехал к матушке. Он слышал, что ее можно увидеть в храме. Вот он и пошел в храм. А навстречу ему послушница: «Иди, матушка тебя зовет». Словно бы она уже знала, что он ее ищет. Она посадила художника рядом с собой на платок и стала спрашивать, словно давнего знакомого. Об отце расспросила. Дала наставление ему и его отцу. Предложила идти с ней в Почаев. Когда началась служба в Почаеве, он стоял и думал о делах посторонних, строил планы на будущее. Вдруг матушка подходит сзади, кладет руку на плечо и говорит: «Не грехи. Молись, чтоб не грешить!»

Однажды знакомая женщина приехала навестить матушку. А та говорит: «Купи на престол материи. Только в крестик». Женщина и думает, что такую материю найти трудно. Но приехала домой, зашла в магазин и удивилась: оказалась как раз нужная материя. В пост перед Пасхой эта женщина вновь поехала к матушке и взяла в подарок масла да сахара на куличи. Матушка ей и говорит: «Бери все это домой. Сама кулич испечешь». Женщина отвечает: «Я еще куплю». А матушка говорит: «Зарплаты не будет». Приезжает женщина домой и удивляется: мужу перед Пасхой зарплаты не начислили.

Когда в 1968 году в Чехословакии было неспокойно, многие, чьи родственники были там, приходили к матушке. Она и говорит одной женщине: «Тебе жалко твоего зятя. В понедельник праздник: Мать Божия турков из Почаева выгоняла». Женщина возражает, мол, этот праздник еще не скоро. А матушка ей повторяет: «В понедельник, в понедельник!» И как раз в понедельник зять и пришел домой, целый и невредимый — отпустили. А брат его еще был в Чехословакии. Матушка и говорит вернувшемуся: «Вот ты

приехал, а брат твой голодает». И точно, в те самые дни сломалась в части брата полевая кухня — и солдаты три дня сидели впроголодь, пока не подспела другая кухня.

Пришел к матушке больной дедушка и попросил ее помолиться, чтобы повидаться ему с сыном. А сын служил за границей. Матушка отвечает: «Еще месяц надо ждать». Так и было. Через месяц сын прибыл в отпуск.

Пришел к матушке дедушка Федор из Курозван. Она и говорит послушницам: «Дайте ему покушать». А у них ничего не осталось после трапезы. Тогда матушка взяла кастрюлю из-под супа, налила из ведра воды, разболтала и налила в миску. Говорит: «Кушай». «У меня желудок больной», — отвечает дедушка. Но она приказала кушать. Он съел. И потом всем при встрече рассказывал, какой то был вкусный суп.

В один из дней матушка наказала послушницам никому не открывать дверь. И вот те увидели, что перед дверью стоит молодая женщина и стучится. Они вышли и сказали, что матушка не велит открывать. Женщина огорчилась, передала матушке три рубля и пошла прочь. Через некоторое время матушка посылает: «Догоните и верните ее». Женщину вернули. Матушка ей и говорит: «Что ж ты все молчишь? Они матерятся — ты молчишь. Деньги пропивают — молчишь. А детки плачут дома». Выяснилось, что это была буфетчица. С тех самых пор она стала выпроваживать из буфета пьяных мужиков, напоминая им о семье. Когда женщина во второй раз пришла к матушке — та встретила ее приветливо, говоря: «Молись Богу. Бог все поможет тебе пережить. Ибо и твой нелегкий крест».

На Рождество Богородицы матушка с богомольцами приехала на повозке в с. Липки Гощанского района. По окончанию службы ее пригласила на обед одна вдова. Матушка говорит Кириллу (о нем мы уже рассказывали выше): «Ты езжай. А я приседу позже с Иоанном». Но когда Кирилл приготовился к отъезду, матушка его позвала и приказала: «Кирилл, садись за стол, быстрее!» Тот было

стал возражать, но матушка накричала. Коня же приказала гнать одного. Кирилл так и поступил, но очень переживал. Где он потом найдет своего коня? И что он без коня будет делать?

На другой день матушка говорит Кириллу: «Иди в Межиричи (это был районный центр). Там в милиции твой конь. И торопись, батюшка». Пришел Кирилл к начальнику милиции и спрашивает про коня. Тот отвечает: «Хорошо, старик, что ты пришел. А то я не знал, куда твоего коня определить. Он уже сутки голодный». И рассказал, что ему было велено матушку, которая должна быть в Липках, доставить в отделение. Он послал своих работников. А они до Липок не дошли — повстречали беспризорного коня. «Ступай, забери его, старик». Кирилл еще раз убедился в том, как трудно понять поступок матушки, но как он оказывается мудр.

Однажды матушка зашла в дом, где были маленькие дети. И там одна девочка начала из матушкиной кошелки сухарики вытаскивать. Мать стала бранить и стыдить дочку. А матушка говорит: «Не трогай ее. Это монашка. Ты лучше мальчиков ругай. А это монашка». И это пророчество сбылось. Нынче эта девочка выросла и живет в монастыре.

За год до смерти матушка послала послушницу в соседнее село: «Катюка, беги в Гудков. Пусть там мне сделают хатку». В семье, куда явилась послушница, сказали: «Мы отведем матушке комнату, пусть у нас и живет». Через некоторое время матушка опять посылает послушницу в Гудков спросить про «хатку». И так было несколько раз. И как раз в той семье, куда посылала матушка послушницу, и сделали матушке «хатку» — гроб.

Все, что написано здесь о схимонахини Херувиме — наверное, лишь тысячная доля того, что можно было написать. Но многое осталось скрытым от нас. И неудивительно. Потому что подвиги, молитвы и добрые дела святые люди делают не напоказ, а тайком. Так и схимонахиня Херувима, скрывающаяся под видом юродивой, делала добро

тайно, да и не всякому понятно. Ну, да имеющий уши да услышит.

Пусть наше описание возобновит в памяти светлый образ Той, к которой так часто прибегали в трудный час и получали утешение.

Для тех же, кто не знал матушку схимонахиню Херувиму, пусть написанное послужит поучением. Ведь это — повествование о праведной жизни.

Мы знаем, что многие святые столетиями покоились в земле, но оставались нетленными вплоть до дня их прославления.

Аминь и Богу слава!